

СОДЕРЖАНИЕ

К 350-летию Петра I

А. Г. Владимирович
Летний дом (Летний двор) и сад при Летнем доме..... 2

Исторические исследования: пригороды и окрестности

Е. П. Сизёнов
Топонимическое путешествие по реке Паше. Часть 2 6

Мнения. Суждения. Идеи

С. Б. Васильев
Онега, Ладога, Нева – метаморфозы топонимов23

Исторические исследования: Санкт-Петербург

М. А. Копылова
Адресная табличка как краеведческий документ. Часть 141

In memoriam

Е. Б. Белодубровский
Дом тот будет угловой...55

Архив топонимиста

Г. О. Винокур
О родительном падеже в «советских» названиях58

Сведения об авторах 60

А. Г. ВЛАДИМИРОВИЧ

ЛЕТНИЙ ДОМ (ЛЕТНИЙ ДВОР) И САД ПРИ ЛЕТНЕМ ДОМЕ

Именно такие названия бытовали в петровское время. Слово «дворец» до 1730-х гг. в русском языке применялось редко, а авторы иностранных описаний петровского Петербурга именовали дворцом только палаты Меншикова на Васильевском острове, гораздо более роскошные, чем царские. Топоним же Летний сад впервые упоминается в 1727 г.

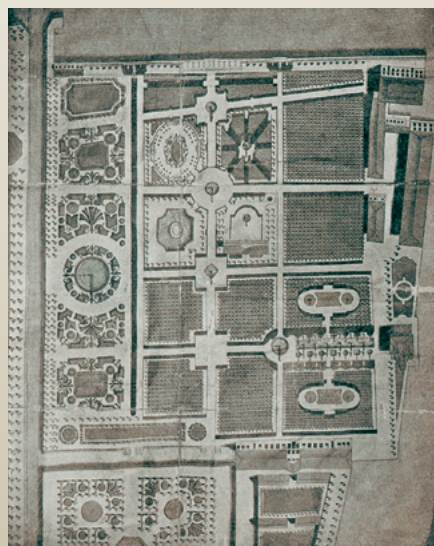
Сад расположен на одноимённом острове, ограниченном Невой, Фонтанкой, Мойкой и Лебяжьей канавкой. Изначально были три сада, которые начали создаваться с 1704 г. при личном участии Петра I на месте усадьбы шведского майора Конау (в русских документах – Кононова). Проект разработали архитектор Иван Матвеев и садовые мастера Ян Роозен и его преемник Иван Сурмин. Позже в устройстве сада участвовали такие выдающиеся архитекторы, как Жан-Батист Леблон, Михаил Земцов и Франческо-Бартоломео Растрелли.

Первый Летний сад – это северная половина существующего сада, второй – южная половина (как можно заметить, планировка у них разная), а третий занимал огромное пространство между Мойкой и Итальянской улицей. Всё, что от него осталось после строительства в первой половине XIX в. Михайловского замка, потом Михайловского дворца и радикальной перепланировки территории – это Михайловский сад. Первый и второй сады

когда-то разделял *Шутишный (Поперечный) канал*, засыпанный во второй половине XVIII в.

Третий сад в петровские времена назывался ещё *Царицыным садом*, или, как о нём пишет шведский офицер Ларс Юхан Эренмалм, попавший в русский плен и после возвращения на родину в 1714 г. издавший описание Петербурга, «садом для увеселений императрицы» (в заметках иностранцев царская чета иногда именовалась императорской и до 1721 г.).

В XVIII в. Летний сад был закрытым дворцовым садом. Лишь в середине столетия в него стали изредка пускать посетителей, а для более или менее ши-

Ж.-Б. Леблон. План Летнего сада. Фрагмент. 1717

рокого доступа, и то лишь «избранной» публики, он был открыт к концу XVIII в.

В 2009–2012 гг. Летний сад реконструировали, восстановив по мере сил облик «регулярного» сада петровского времени, потерянный во второй половине XVIII в., с боскетами, трельяжами и правильно подстриженными деревьями. Хорошо это или плохо – о том мнения разошлись. Кому-то жалко привычного облика, а кто-то считает, что старых парков пушкинской поры у нас много, а памятников садово-паркового искусства времён основания города, если не считать пригородов, больше нет.

Самый замечательный из архитектурных памятников Летнего сада, конечно, *Летний дом Петра I* (позже получивший имя *Летний дворец*), построенный в 1714 г. Доменико Трезини при участии Андрея Шлютера и с тех пор сохранившийся без изменений. Так получилось потому, что после смерти Петра императорские резиденции располагались в других местах, и старый дворец оказался вне высочайшего внимания. Около Летнего дома существовал «гаванец», соединённый с Фонтанкой – Пётр I, желавший, чтобы в новой столице всё было, как в его любимом Амстердаме, прибывал во дворец по воде.

Там, где Лебяжья канавка вытекает из Невы, сначала стояла царская баня, а в 1721 г. Стефан ван Звитен по собственноручному чертежу Петра I начал строить *Летний дом Екатерины I*, или, как его ещё называли, *Новые палаты*. Увы, голландец не справился с работой, и строительство завершал молодой архитектор Михаил Земцов под надзором самого Доменико Трезини.

Этот дворец был закончен уже после смерти Петра, в 1726 г. Часть здания, выходящая на Неву, была двухэтажной, остальные помещения одноэтажные. Внутренняя отделка была похожа на интерьеры Летнего дворца Петра.

В следующем году умерла Екатерина, дворец пришёл в запустение и был разобран в 1778 г., когда Юрий Фельтен начал сооружать свою знаменитую ограду со стороны Невы.

Из водоёмов петровской поры в саду сохранились немногие. Один из них – *Карпиев пруд* недалеко от Мойки, вырытый в 1716 г. Он соединён трубами с Фонтанкой и Лебяжьей канавкой, потому вода в нём не застаивается. В нём предполагалось разводить карпов для дворцового стола, но после смерти Петра туда запустили лебедей. В петровские времена поблизости располагались ещё *Цветочный*, *Форелиевый* (тоже для разведения рыбы) и *Мельничный пруды*, но они давно не существуют.

Ещё один водоём петровской эпохи – *Птичий* или *Менажерийный пруд* («менажери» по-французски значит «зверинец»). Его проект разработал лично Пётр I, а осуществил в 1719 г. каменных дел мастер Тимофей Фонармус. В пруду плавало множество птиц, в том числе, по словам современника, «индейские [то есть индийские] гуси и морские утки». В народе пруд называли *Птичьим* или *Лебяжьим*. Рядом с прудом по проекту Иоганна Георга Маттарнови возвели *Птичий двор* в виде китайской пагоды, где содержались не только птицы (орлы и чёрные

аисты), но и дикобраз, чёрно-бурая лицица и соболя.

Пруд и Птичий двор сильно пострадали во время наводнения 1777 г. Девять лет спустя пруд был засыпан, а птичник разобран. Восстановили их только в 2010 г.

Пётр I считал, что сад без фонтанов – не сад, и мечтал, чтобы его сад был не хуже садов Версаля. Поэтому фонтанная система в Летнем саду стала создаваться с самого начала. Первый проект выполнил уже в 1705 г. Иван Угрюмов, а после его смерти в 1707-м его дело продолжили Яган Кинтлер и Ханс ван Болос, позже подключился Михаил Земцов. Архитектурное и скульптурное решение фонтанов принадлежит Николо Микетти и Никола Пино.

Первоначально фонтаны работали на конной тяге, а в 1718 г. установили первую в России паровую машину, построенную французским инженером Теофилом Дезабилье и купленную Петром I в Англии. Наконец, три года спустя для питания фонтанов соорудили гигантский по тем временам Лиговский канал, бравший начало на Дудергофских высотах и протекавший по трассе современного Лиговского проспекта. Канал заканчивался Лиговским бассейном в районе нынешней улицы Некрасова, откуда в 1727 г. провели трубы к Летнему саду. Трубы пересекали Фонтанку по акведуку, располагавшемуся на месте Пантелеймоновского моста.

К концу жизни Петра в саду было около 20 фонтанов. Из их названий известны следующие:

– фонтан «Гербовый», в центре которого находились двуглавые орлы, вырезанные из дуба Конрадом Ганом и инкрустированные морскими раковинами;

– Дельфиновый каскад;

– фонтан «Коронный», струи которого образовывали корону;

– фонтан «Нарцисс»;

– фонтан «Пирамида», возможно, копия одноимённого петергофского;

– фонтан «Царицын», у которого Екатерина I встречала гостей.

В источниках упоминается ещё фонтан «Тюленевый», в котором якобы плавал живой тюлень (скорее всего балтийская нерпа).

В последующие годы число фонтанов в Летнем саду достигло 90. Однако, фонтанная система была разрушена наводнением 1777 г.; восстанавливать её не стали. Лишь в 2011 г. были воссозданы восемь фонтанов, и в их числе «Гербовый», «Коронный» и «Пирамида».

Отдельное достояние Летнего сада – это его скульптура. Большинство из 90 статуй и бюстов исполнено итальянскими мастерами ещё при жизни Петра I и находится в саду с того времени. В 1979 г. неизвестные вандалы разбили несколько десятков скульптур. История эта наделала много шума, вызвала очередной всплеск гонений на рок-музыку, но истинных злоумышленников так и не нашли. Статуи, конечно, восстановили, но, отчасти из-за угрозы подобных инцидентов, а больше из-за того, что итальянский мрамор плохо переносит современную городскую атмосферу, с некоторых пор вместо под-

линных скульптур в саду стоят копии. Подлинники же спрятаны в запасники Эрмитажа.

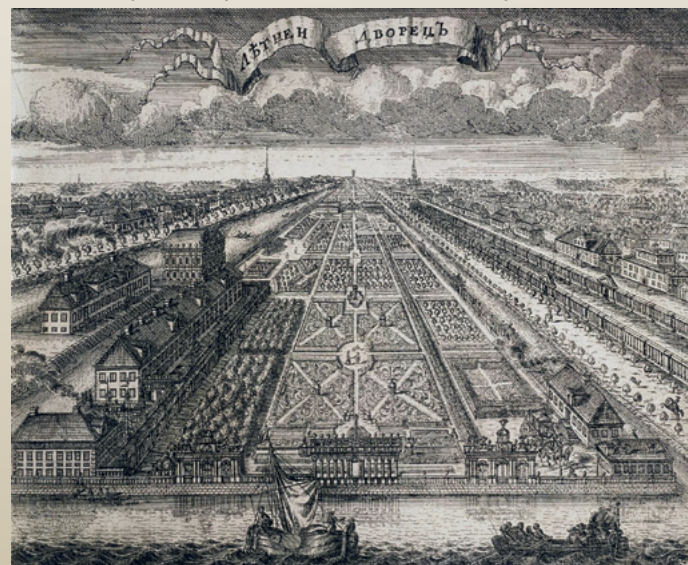
Отдельно стоит сказать про памятник Ивану Крылову, исполненный по проекту Петра Клодта и установленный в 1855 г. Великий баснописец изображён здесь в окружении своих героев – Клодт доказал, что умеет ваять не только коней, хотя рисунки, по которым были созданы скульптуры животных, выполнил художник Алексей Агин.

Ещё одна достопримечательность Летнего сада – порфиновая ваза, сделанная шведскими мастерами под руководством И. Э. Экстрема и установленная в 1839 г. близ Карпиева пруда на постамент работы Василия Демут-Малиновского.

И, конечно, ограда. Обычно под словами «ограда Летнего сада» понимают гениальное творение Юрия Фель-

тена, созданное при участии Петра Егорова и, возможно, Василия Баженова – ограду со стороны Невы, установленную к 1784 г., но в какой-то момент в связи с отсыпкой берегов и устройством набережных потребовалось оградить сад с трёх сторон, потому есть ещё две ограды – совсем простая, «служебная», со стороны Фонтанки, и тоже скромная, но по-своему замечательная со стороны Мойки. Её установили в 1826 г. по проекту Луи Шарлеманя.

Как ни странно, топонимов, производных от названия Летнего сада, очень немного, а до нынешнего дня не сохранилось ни одного. Можно вспомнить только бытовавшие в XIX в. имена *Летний канал* (наряду с Лебяжьей канавкой), *Летний мост* (Нижне-Лебяжий) и ещё один *Летний мост* (1-й Инженерный).

Летний дворец и Летний сад. 1716–1717

Е. П. СИЗЁНОВ

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РЕКЕ ПАШЕ. ЧАСТЬ 2

Мы продолжаем наше топонимическое путешествие по реке Паше, притоку Свири. В первой части мы дошли от истока до деревни Ратилово Коськовского сельского поселения. Ниже Ратилова начинается территория Паишского сельского поселения.

Река Паша. Фото Виктора Гончарова.

Источник: <http://fotokto.ru/photo/view/4449421.html>

Направление течения Паши становится в основном северо-восточным. Первый из населённых пунктов на этом участке – *деревня Подъелье*. Она упоминается в переписи 1710 г. в составе Рождественского Паишского погоста. Жил в ней князь Андрей Иванович Мышецкой 50 лет с детьми. Деревня обозначена на карте А. М. Вильбрехта 1792 г. и других.

Князя Мышецкие происходят из рода Рюриковичей, из верхнеокской группы. Далее они неоднократно будут

встречаться в нашем очерке как владельцы попашских деревень, но наиболее известные представители этого рода здесь не отметились.

По данным 1838 г. деревня принадлежала генерал-майору Мерлину. Павел Иванович Мерлин (1769–1841) принимал участие в войне со Швецией 1788–1790 гг., в войне с Наполеоном 1805–1807 гг. Будучи командиром артиллерийской бригады, участвовал практически во всех крупнейших сражениях Отечественной войны. Чин генерал-

майора получил в декабре 1812 г. На службе находился до 1835 г. По сведениям на 1856 г. владелицей деревни была полковница Томилова. В 2010 г. в деревне проживало 5 человек.

Название не менялось и не искажалось в документах и на картах, что связано с достаточно понятным его происхождением от слова *ель*, и, по-видимому, отражало местные особенности растительности.

Напротив Подъелья на левом берегу – *деревня Печеничино*, также впервые обозначенная на карте А. М. Вильбрехта 1792 г. С тем же именем она подписана на карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. По данным Описания 1838 г. *деревня Печеницына* принадлежала гвардии полковнику Зотову и девицам Теглевым¹, а по данным Списка 1856 г. – находилась во владении гвардии ротмистра Зотова, Лукашевой и Ведомства Государственного Имущества². По данным «Памятной книжки Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г., деревня Печеничино входила в состав Часовенского сельского общества³.

Так она именовалась и в советское время, но существовали и варианты, скорее всего, ошибочные (так, в Справочнике 1933 г. деревня названа *Печенинено*, а в Справочниках 1990 и

1997 гг. – *Печенино*)⁴. Число жителей в 2010 г. составило 4 человека.

Название деревни, очевидно, происходит от фамилии Печеницын, скорее всего, это был первый её владелец.

В полукилометре от Подъелья, за *ручьём Одубля*, – опустевшая в последние десятилетия *деревня Костино*, в XIX в. принадлежавшая Апрелевым, затем генерал-майору Мерлину. Существовал вариант написания *Костина*. Кроме того, деревня имела и другие названия: *Мосенково* (по Описанию 1838 г.) и *Коптиловка* (в Списке 1856 г.). Однако на картах Куторги 1852 г., Шуберта 1855 г., Стрельбицкого 1865 и 1871 гг. Коптиловка обозначена севернее Костина и на левом берегу.

С представителями рода Апрелевых мы ещё встретимся в этом очерке. Согласно Описанию 1838 г., генерал-лейтенант Фёдор Иванович Апрелев (1764–1837) значится владельцем многих деревень. Это весьма значительное имя в русской военной истории. С 1792 г. Апрелев в чине капитана служил в Санкт-Петербургском арсенале и избрал важный для того времени прибор для заделывания в орудиях раковин. Он обратил на себя внимание цесаревича Павла Петровича, который поручил Апрелеву исправление орудий гатчинской артиллерии. По выпол-

¹ Описание Санкт-Петербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838. С. 94.

² Алфавитный список селений по уездам и станам С.-Петербургской губернии. СПб., 1856. С. 118.

³ Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. 1905 г. С. 219.

⁴ Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1933. Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1990. С. 47; Административно-территориальное деление Ленинградской области. СПб., 1997. С. 49.

нении этого приказа Павел Петрович поручил ему устроить практическую стрельбу и обучить артиллеристов. В 1797 г. Павел I назначил его начальником Санкт-Петербургского арсенала и пожаловал 150 душ крестьян; 29 января 1800 г. Апрелев был назначен членом артиллерийской экспедиции Военной коллегии с производством в генерал-майоры. К концу своей жизни в чине генерал-лейтенанта он состоял помощником великого князя Михаила Павловича по управлению артиллерией. В 1837 г. умер и был похоронен в церкви Рождества Христова Пашского погоста в Надкопанье. После его смерти имения и более 1100 душ крепостных в Новоладожском уезде перешли к его жене Анастасии Ивановне (1778–1858) и их детям.

Если топонимы Костино и Мосенково – скорее всего, производные от фамилии или имени владельца, то название Коптиловка родилось, по-видимому, как своеобразная характеристика, вероятно, обусловленная обилием дымовых столбов из труб деревенских изб.

Далее Паша делает поворот на северо-запад. Ближайший населённый пункт – *деревня Чаплино*. Впервые встречается на карте Шуберта 1834 г. Для неё также существовал вариант названия *Чаплина*. Принадлежала Анне Фёдоровне Апрелевой до 1883–1885 гг., когда временнообязанные крестьяне выкупили у неё свои земельные наделы. В последние два десятилетия в деревне проживало 8 человек. Название также, скорее всего, имеет отфамильное происхождение.

Более интересна в топонимическом отношении расположенная напротив *деревня Урицкое*. На карте Шуберта 1834 г. и на последующих картах на этом месте обозначена *деревня Голодаевка*. На довоенных советских картах деревни на этом месте нет. Нет её и в Справочнике 1933 г. А вот в Справочнике 1936 г. упоминается *село Урицкое* в составе Часовенского сельсовета Пашского района. В послевоенных справочниках – *деревня Урицкое*, но на планах Урицкое на месте бывшей Голодаевки появляется лишь на Топографической карте-километровке Ленинградской области 1982 г. В постсоветское время в деревне проживало от 6 до 10 человек.

Название Голодаевка было весьма распространено в Российской империи. Изначально народное, оно отражало бедственное положение жителей этих деревень. Сразу вспоминаются первые строки поэмы Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в которых перечислены названия семи смежных деревень, из которых собрались мужики: Заплатава, Дырявина, Разутова, Знобишина, Горелова, Неелова – Неурожайка тож.

Большинство Голодаевки и им подобных уже в ранние советские годы были переименованы или исчезли. Появилась ли *деревня Урицкое* именно вследствие переименования Голодаевки, неизвестно. Если это и было сделано, то скорее всего, уже в 1918-м, когда в названиях многих географических объектов был увековечен Моисей Соломонович Урицкий – председатель Петроградской ЧК, убитый Лео-

нидом Канегиссером 30 августа 1918 г. Тогда имя Урицкого, этого советского «новомученика», было пока ещё одним из немногих, которое советская власть могла использовать при переименовании неугодных названий.

В полукилометре от деревни Чаплино – *деревня Кувшиново*. На карте из атласа Российской империи для гимназий 1807 г. она обозначена как *Кувшино*. Форму Кувшиново *деревня* приобретает на карте Шуберта 1834 г. и последующих. На некоторых картах – *Кувшинова*.

В Описании 1838 г. она приведена как *Кукшиново*, принадлежавшая генерал-майору Мерлину и коллежскому асессору Мордвинову. В Списке 1856 г. *деревня* значится как *Кукшилова* – *деревня* полковницы Томиловой и статского советника Мордвинова. В Списке 1862 г. вернулась прежняя форма, и в дальнейшем она не менялась. В последние годы число жителей деревни составляло 2 человека.

Мордвиновы были крупными землевладельцами. Они упомянуты ещё в переписи 1710 г. Семён Иванович Мордвинов (1701–1777) известен как адмирал, участник Семилетней войны. В разветвлённом роде Мордвиновых интерес представляет капитан Яков Яковлевич Мордвинов (1729–1799). В 15 лет он поступил на военную службу. В чине поручика в составе 4-го грендерского пехотного полка – участник главных сражений Семилетней войны. В январе 1763 г. пожалован в капитаны и отправлен в отставку. В 1780 г. занял должность заседателя новоладожского уездного суда. Последние

годы своей жизни он жил в своей родовой усадьбе на реке Паше, в усадище Нижняя Усть-Кумбита. Мордвинов стал одним из первых исследователей Ладожского озера. По результатам путешествий оставил Записки, изданные его правнуком Владимиром Мордвиновым в 1888 г., где подробно описал наиболее крупные острова, указал ширину и протяжённость проливов и гаваней, условия стоянки в них судов, снял подробный план Валаамского монастыря.

Несмотря на то, что в основе названия лежит слово *кувшин*, происхождение топонима, очевидно, не связано с соответствующим предметом домашней утвари, а происходит от фамилии. А вот от какой именно – это вопрос, так как существовали варианты. Закрепилось же наиболее «говорящая» и близкая деревенским жителям форма.

Около двух километров и река Кондега отделяют Урицкое от *деревни Часовенское*. На картах Шуберта 1834 и 1844 гг. обозначено *село Чесовинска*, состоявшее из 20 крестьянских дворов. На его южной окраине находился *Погост Шижнемской* (ошибочно подписанный как *Нижемской*). На карте Шуберта 1855 г. *деревня* подписана как *Чесовиньска*, а погост *Шижнемский*.

В Описании 1838 г. приведены две деревни: *Большая Часовенская*, принадлежавшая полковнику Зотову, генерал-майорше Корсаковой и госпоже Теглевой, и *Малая Часовенская*, которой владели генерал-лейтенант Козев, поручик Апрелев, титулярная советница Долговосабурова и девицы Апрелевы. В Большой Часовенской стояла дере-

вянная церковь во имя Воздвижения Животворящего Креста Господня.

В Списке 1856 г. – только *Малая Часовенская*, деревня господ Апрельских и генерал-лейтенанта Корсакова. В Списке 1862 г. – *село Большая Часовенская* (Шижнемский погост), в которой есть православная церковь, и деревня *Малая Часовенская*. Согласно карте из «Исторического атласа Санкт-Петербургской Губернии» 1863 г., село называлось Чесовиньска,

План деревни Часовенское. 1863

В советское время название утвердилось как Часовенское. По данным Справочника 1933 г. в состав Часовенского сельсовета Пашского района входило село (административный центр сельсовета) и деревня Часовенское. В Справочнике 1936 г. центром Часовенского сельсовета названа деревня Часовенское. На карте Генштаба РККА 1941 г. две деревни: Часовенское, подписанная шрифтом, соответствующим числу жителей до 100 человек, и *М. Часовенская* с числом жителей от 100 до 300 человек.

По данным 1966 и 1973 г. Часовенское – вновь село, но центром Часовенского сельсовета была деревня Бор. По данным 1990 года центр сельсовета находится уже в деревне Сорзуй. Она же была центром существовавшей некоторое время Часовенской волости.

в нём находился Погост Шижнемской. В Сборнике 1885 г. приведены деревни с названиями Часовенская и *Часовенская на Кондоге* (в последней находилась часовня). По данным «Памятной книжки Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г., в состав Часовенского сельского общества входили деревни *Часовенская на речке Кондюжке* и *Часовенская на Кондоге – деревня при речке Кондюжке*. На картах встречаются и другие варианты.

Затем деревня Часовенское вошла в состав Пашского сельского поселения. Число жителей в 2010 г. – 25 человек.

В одном километре ниже – обзлюдевшая в последние годы *деревня Щепняг*. Появилась она в послевоенные годы, впервые упоминается в Справочнике 1966 г. в составе Часовенского сельсовета Волховского района. В постсоветское время деревня была в составе Часовенской волости. С 2012 г. постоянного населения в ней нет.

Происхождение топонима не установлено. Возможно, в основе – слово «щепа», связанное с лесозаготовками. Однако формант *-яг* в современной русской топонимии не встречается (возможно, это – искажённое *-яга*).

Далее Паша течёт на северо-запад, и на протяжении семи километров по-

селений на её берегах нет. Примерно в четырёх километрах от Щепняга в Пашу впадает *река Вихмязь*. Здесь, на правом берегу Паши, находилась одноимённая деревня. В XIX в. она принадлежала генерал-лейтенанту Апрельеву и его наследникам. В 1934 г. здесь был найден крупный клад западноевропейских денариев XI в. (в настоящее время монеты хранятся в Государственном Эрмитаже).

В разных источниках встречаются варианты *Вихмась*, *Вихмесь*, *Вихмязь*. Название это вепсского происхождения. И. И. Муллонен в своей книге «Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования» связывает пашский гидроним Вихмязь с фин. *vehtas* – «молодой лиственный лес, роща, кустарник; зелёный, с пышной растительностью». По другой версии, Вихмязь/Вехмязь может восходить к вепсскому слову *Uighâmez* – закоулок (пожни) + *hâmez* – подсека, подсечное поле, т.е. «подсека в закоулке, в самом дальнем углу».

Деревня Новая на правом берегу Паши впервые встречается на Географической карте С. Куторги 1852 г. В Списке 1856 г. сказано, что она принадлежит князьям Мышецким. В Списке 1862 г. и Сборнике 1885 г. наряду с названием Новая приведено второе – *Чагрин Камень*⁵. Деревня относилась к Николаевщинской волости Новоладожского уезда. В советский период подчинённость менялась, с 1933 г. она была в составе Николаевщинского

⁵ Волости и важнейшие селения европейской России. Выпуск VII. Губернии призерной группы. СПб. 1885. С. 87.

сельсовета Пашского района, с 1963 г. Волховского района. По данным 1990 г. – в составе Рыбежского сельсовета. Число жителей в постсоветские десятилетия не превышало 8 человек, на 2012 г. – 2 человека.

Топоним относится к числу наиболее распространённых и обычно возникает рядом или на месте чего-то уже существующего, «старого». Установить, почему деревня с таким названием появилась именно в этом месте, не удалось. Загадочным представляется второе название – *Чагрин Камень*. Чагрин в цыганской мифологии – это чудовищный ёж. Можно предположить, что это название связано с чьим-то видением или местной легендой, но скорее они могли породить название собственно камня, с которым они связаны. А здесь речь идёт о целой деревне!

После Новой река Паша делает большую излучину, и через 3,5 км на правом берегу мы встречаем деревню *Николаевщина*, напротив деревни на реке – остров. В Списке 1856 г. есть *Николаевская* – деревня князей Мышецких из 18 дворов; включена она и в Список 1862 г. Однако на картах деревни долгое время не было. Так, на карте из «Исторического атласа Санкт-Петербургской Губернии» 1863 г. на этом месте обозначена часовня. Как Николаевщина название встречается в документах о выкупе временнообязанными крестьянами земельных наделов у князя Н. П. Мышецкого в 1877 г. Затем она была включена в Сборник 1885 г. Существовала и Николаевщинская волость Новоладожского уезда. В 1917 г. был создан Николаевщинский

сельсовет. По данным 1990 г. деревня Николаевщина входила в состав Рыбежского сельсовета, затем – Рыбежской волости. В настоящее время – в составе Пашского сельского поселения Волховского района. В деревне в последние годы проживало около 100 жителей.

Очевидно, что название Николаевская произошло от имени Николай или от фамилии Николаев. Вероятно, так звали её владельца, но кем он был и почему произошла трансформация в Николаевщину, установить не удалось. Не исключено, что топоним происходит от названия города Николаев на юге Российской Империи (в настоящее время в составе Украины). На эту мысль наводит факт, приведённый в книге графа Д. И. Хвостова «Путешествие к реке Паше», вышедшей в 1820 г. Князь Потёмкин, купивший соседнее село Колголема, захотел переселить здешних мастеров-судостроителей в Николаев для постройки Черноморского флота, но крестьяне не смогли жить в новых местах и по их просьбе были возвращены обратно. «И с похвальными успехами

упражняются в мастерстве своем на Паше», – писал Хвостов.

Село Колголема (в настоящее время деревня Колголемо) находится внутри петли, которую делает русло реки напротив Николаевщины. *Сельцо Колголемо* упоминается в переписи 1710 г. в составе Рождественского Пашского погоста Заонежской половины Обонежской пятины. Дворы в нём принадлежали стольнику Матфею Васильеву Колычеву и князю Савве Гариловичу Мышецкому. Село Колголема обозначено на карте Санкт-Петербургской губернии из Атласа Российской Империи 1792 г., на многих последующих картах. По Описанию 1838 г., село принадлежало полковнику Зотову, князьям Мышецким и графине Хвостовой, жене графа Д. И. Хвостова.

В селе стояла деревянная церковь во имя Св. Иоанна Богослова. Сборник 1885 г. приводит двойное название села: *Колгема (Колгомма)*. В нём в то время были две православных церкви (вторая – во имя святителя Иоанна Милостивого). Село административно относилось к Николаевщинской волости Новоладожского уезда. По данным «Памятной книжки Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г., село называлось *Колголема (Колгомма)*. В советское время утверждается название Колголема, а начиная со Справочника 1966 г. – деревня Колголемо. Входила в состав Николаевщинского сельсовета Волховского района. По данным 1990 г. – в составе Рыбежского сельсовета, затем Рыбежской волости, в настоящее время – в составе Пашского

Река Паша в деревне Колголемо. Источник: <https://foto-planeta.com/photo/704554.html>

сельского поселения. Число жителей по данным на 2012 год – 22 человека.

Колголема – топоним вепсского происхождения. Интересную информацию об этом названии можно найти в группе «Всю Русу-Ладогу обойдём!» соцсети ВКонтакте, в сообщении Павла Самокрасова в теме «Заметки по топонимике Волховского района».

Впервые оно упоминается в новгородской ободной грамоте XIV в. (около 1333–1342 гг.) Луки Варфоломеевича на Тайбольскую землю, купленную у Мануйлы, Алексея, старосты Родиона «и у всей братии» в составе сложного топонима «бродище Колголемское»⁶. Возникнуть же селение могло ещё раньше – в XII–XIII вв., когда берега Паши были населены сплошь вепсами. Павел Самокрасов «сразу распознал в форме Колголема изначальное *Колгонема (< *Колгонемь) – двухсоставный топоним с корнем «Колго-» и финалью «-нема, -немь» (вепс. пет 'мыс, полуостров'), хорошо известной по адаптированной вепсской топонимии... Вепсская финаль «-пет» при русской адаптации также нередко калькировалась (переводилась) с помощью севернорусского диалектного слова «наволоок» 'мыс, полуостров'. Именно такой «наволоок», полуостров, образуемый изогнутой петлёй реки Паши, мы и наблюдаем в том месте, где находится Колголема... Что же означает первая часть топонима *Колгонемь – «Колго-»? А она явно восходит к вепс. основе *Kougo- (*Kougun-? *Kougot-?) < *Kouko- (*Koukun-?) <

План деревни Колголема. 1863

южновепс., северновепс. коук 'крюк', 'крючок', 'кочерга'... Общая композита *Kougonpet (*Koukunpet?) 'Крюк-наволоок', 'Крючный наволоок', т. е. полуостров («наволоок», вепс. пет), находящийся в изогнутой «крюком» (вепс. коук) излучине реки Паши... Дальнейшая форма *Колгонемь (Колгонема) стала либо результатом последующего озвончения согласной «к» в «г» (*Колко-> Колго-), либо изначально содержала вепс. диал. апеллятив коук 'крюк', употреблявшийся пашскими вепсами... Окончательно адаптированная форма – Колголемь (Колголема) – явилась результатом давней (ранее XIV века, если судить по упоминанию в ободной 1333–1342 гг.) мены мягких согласных «н» и «л» (-немь > -лемь), очень даже свойственной средневековым новгородским говорам...»⁷.

Далее Паша, сделав большую петлю, течёт в западном направлении. Ближайшие деревни – в трёх километрах. На левом берегу – Смелково, впервые упомянутое в Справочнике 1966 г. и имеющее в последние годы одного жителя. Происхождение названия неизвестно, возможно, от фамилии жителя.

Расположенная на правом берегу деревня Емское на карте 1792 г.

⁷ https://vk.com/topic-75646142_33069455.

⁶ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIV/1320-1340/Pskov_novg_gram/frametext.htm.

А. М. Вильбрехта обозначена как *Емска*. На карте Шуберта 1834 г. есть две смежные деревни Емское и *Селиванова*. В Списке 1856 г. приведены уже три названия: Емское, *Селиваново она же и Денисово* – деревня полковника Бегича, господ Мартьяновых и гвардии ротмистра Зотова. В более раннем источнике, Описании 1838 г. – деревня Денисово, принадлежавшая гвардии полковнику Зотову. В Списке 1862 г. – отдельно Емская и *Селиваново (Денисово)*. Согласно карте из «Исторического атласа Санкт-Петербургской Губернии» 1863 г., деревня называлась Емское и располагалась смежно с деревней Силиванова. В «Памятной книжке Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г. имеется только *деревня Емская*, входившая в состав Емского сельского общества. В советское время происходит возврат к форме Емское. До Великой Отечественной войны деревня была административным центром Николаевщинского сельсовета Пашского района. Селиваново же обозначалось ещё на советских довоенных картах. В 2010 г. численность населения Емского составляла 16 человек.

Если названия Селиваново и Денисово, очевидно, происходят от соответствующих фамилий, то вопрос о происхождении топонима Емское остаётся спорным. Есть утверждение, что «д. Емское, например, своим названием напоминает племя *емь*, с которым долго воевали новгородцы»⁸. Заметим, однако, что в южном Приладожье поселений этого племени не было, а войны

⁸ Вехи истории Пашского края // Волховские огни. 2017. № 7.

новгородцев против еми проходили на территории современной Карелии. Да и почему собственно эту деревню могли назвать по названию исчезнувшего финского племени? Мы предполагаем, что это искажение слова *Ямская*. Такие топонимы обычно были связаны с устройством ямских станций и с поселениями ямщиков.

Ниже Николаевщины река делает большую петлю и становится заметно шире и глубже, особенно после впадения справа *реки Рыбежки*. В ее устье на правом берегу – *деревня Усть-Рыбежно*, рядом – *посёлок Рыбежно*, а на левом берегу – *деревня Рыбежно*. Эти населённые пункты входят в состав Пашского сельского поселения Волховского района.

Названия стали производными от названия реки, а присоединяемое через дефис слово *усть* традиционно для поселений, образовавшихся в устьях рек.

Название Рыбежно за свою историю не раз менялось. На Подробной карте Российской империи и близлежащих заграничных владений («Столистая карта») 1801–1804 гг. (далее – карта РИ) на дороге, проходящей по левому берегу Паши, обозначена *деревня Усть Рыбежская*. Кроме того, что деревня обозначена на некотором удалении от реки Рыбежны, она находится довольно далеко к югу и от её устья. На других картах первой трети XIX в., в том числе в Географическом атласе Российской Империи В. П. Пядышева по данным на 1820 г., на Военно-дорожной карте части России и пограничных земель под редакцией Шуберта, выпущенной

в 1829 г., Усть Рыбежская обозначена примерно на месте современной деревни. На картах Санкт-Петербургской губернии Шуберта 1834 и 1844 гг. она подписана как *Рыбижна*. В Описании 1838 г. именуется *Большая Рыбежна*, принадлежит полковнику Зотову, титулярному советнику Головину, коллежскому ассессору Ефремову и князю Мещерскому. В Списке 1856 г. значится как *Рыбежна* – деревня господ Ефремова, Софии Каменецкой и гвардии ротмистра Зотова. В 1862 г. деревня называлась Рыбижна. Так же подписана она на карте из «Исторического атласа Санкт-Петербургской Губернии» 1863 г.

В советское время колебания продолжились. На карте Петербургской губернии 1922 г. деревня подписана как *Рыбижно*. Подчинённость её менялась. С 1928 г. она в составе Пашского сельсовета. По данным 1933 г. деревня называлась *Усть-Рыбежно*. С 1955 г. – деревня Рыбежно в составе Новолadoжского района, с 1963 г. – в составе Пашского сельсовета Волховского района. По данным 1990 г. деревня входила в состав Рыбежского сельсовета. Численность населения в постсоветские годы снизилась с 26 до 19 человек (на 2012 г.).

В районе деревни Рыбежно в 1950-е гг. были найдены и исследованы две стоянки древнего человека, жившего в эпоху каменного и бронзового века.

Основа названия – слово вепсского происхождения, реконструируемое как *räbeh (räbez)* и означающее болотистое место, поросшее кустарником. Слово не сохранилось в вепсских го-

ворах и восстанавливается только по топонимам, например, в бассейне реки Оять: болота *Räbänova, Räbäso*, ручей *Räboja*, покос *Rebeh*. Эти сведения приведены в книге И. И. Муллонен «Очерки вепсской топонимии». Там же написано следующее: «*Существенным фактором, подтверждающим бытование вепсского ландшафтного термина и восстанавливающим его семантику, являются русские говоры Приоатья, усвоившие в свое время вепсское слово и сохранившие его в форме «рябега» 'сырое низкое место в лесу'*». Под влиянием особенностей местных русских говоров в Попашье вепсская лексема **rebeh/*rebez* превратилась в **рибежа/рыбежа*. Отсюда и Рыбежка, и Рыбежно. Впрочем, возможны и другие версии происхождения топонимов Рыбежно и Рыбежка.

В словаре С. В. Кисловского название реки Рыбежка связывается с словом «рыба». В одной статье он пишет про две реки с таким названием: приток Тихвинки (издавна славился рыбными богатствами) и приток Паши⁹. Эту версию поддерживает и электронная энциклопедия «Культура Ленинградской области»¹⁰.

Деревня Усть-Рыбежно также известна по старинным картам. На карте из атласа горного училища 1792 г. на правом берегу Паши, справа от устья притока, обозначена *деревня Усть Рыбожна*. В последующие четыре деся-

⁹ Кисловской С. В. Знаете ли Вы? Л., 1968. С. 129.

¹⁰ <http://www.encllo.lenobl.ru/object/1803558233?lc=ru>

тилетия, как мы отмечали выше, деревня со словом *усть* обозначалась на картах на левом берегу. И, по-видимому, только на карте Шуберта 1834 г. мы видим сразу две деревни. Находящаяся на правом берегу подписана как *Усть-Рыбижна*. В Описании 1838 г. эта деревня значится как *Нижняя Рыбежна*. Деревня принадлежала наследникам Ильи Игнатьевича Мордвинова, затем поручику Головину и наследникам Апрелева. В 1863–1864 гг. временно-обязанные крестьяне Усть-Рыбежно выкупили свои земельные наделы у И. Ф. Апрелева. Численность населения в последние годы – 50–60 человек.

В Усть-Рыбежно находятся два археологических памятника, относящихся к эпохам неолита и раннего металла.

Посёлок Рыбежно образовался в период между 1966 и 1973 гг. и входил в состав Пашского сельсовета. По данным 1990 г. был административным центром Рыбежского сельсовета, в состав которого входили 17 населённых пунктов. В посёлке проживали 264 человека. В 1990-е гг. численность населения снижалась, достигнув минимума в 2002 г. – 174, но в последние годы несколько увеличилось и колеблется около 200.

В той же петле реки Паши расположены ещё три деревни.

Главная Запань и *Новозотовское* появились в советское время. Впервые упоминаются в Справочнике 1966 г. в составе Пашского сельсовета Волховского района. В 2010 г. число жителей Главной Запани составляло 109 человек, Новозотовского – 40 человек.

Топоним Главная Запань происходит от слова «запань» – инженерное заградительное сооружение в акватории, представляющее собой ограждённую плавучими конструкциями (сооружаемыми обычно из брёвен или деревянных ферм, связанных шарнирами) водную поверхность и используемое для временного или окончательного задержания, придания нужного направления движения, хранения, сортировки твёрдых плавучих объектов (леса, льда, мусора и др.) в определённом месте водотока.

Между ними – *деревня Папоротно*. *Деревня Папоротки* упоминается в переписи 1710 г. в составе Рождественского Пашского погоста Заонежской половины Обонежской пятины. На карте Российской империи начала XIX в. подписана как *Папоротна*. На картах Шуберта на левом берегу Паши обозначены две деревни Папоротна. В Описании 1838 г. деревня приведена как *Папортно*. Она принадлежала титулярному советнику Головину. В Списке 1856 г. – *Нижнее Папоровиково*, деревня господина Виктора Ефремова. В Списке 1862 г. – *мыза Папортно (Папоротно) и деревня Папоротно дальнее*. В «Памятной книжке Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г. деревня дана под названием *Петоротно*. В советское время утверждается название Папоротно. До войны деревня входила в состав Пашского сельсовета Пашского района. В 2010 г. в Папоротно проживало 118 человек.

Деревня с таким названием есть в Маловишерском районе Новгородской области, но она находится рядом с од-

ноимённым озером. Папоротно есть в Жлобинском районе Республики Беларусь. В электронной энциклопедии «Культура Ленинградской области» название Папоротно связывают с папоротником¹¹.

Расположенная с внешней стороны петли *деревня Тайбольское* появилась в советское время и известна с 1966 г. Численность её населения – 35–40 человек.

Тайбольская земля упоминалась выше в источнике XIV в. в связи с бродами Колголемским. Тайбола, согласно Этимологическому словарю Фасмера – густая, проходимая только зимой чаща (заимствовано из карельского *taibale*, финского *taival*, *taipale* – перешеек).

Далее Паша течёт на север и через 2,5 км на правом берегу – *деревня Старая Силовая*, также впервые появляющаяся в Справочнике 1966 г. Её население – 36–42 человека.

Название говорит о расположении здесь соответствующего объекта (вероятно, подстанции). Ниже был и *посёлок Новая Силовая*, ставший впоследствии частью *посёлка Лесозавод*, а он в свою очередь вошёл в черту *посёлка Паша* (о нём ниже).

На левом берегу – *деревня Баландино*, впервые упомянутая на карте РИ 1801–1804 гг. как *Боландина*. По описанию 1838 г. деревня принадлежала титулярному советнику Головину. В постсоветский период число жителей в ней – от 8 до 15 человек.

Немного выше на правом берегу – *деревня Рязановщина*, которая известна по картам Шуберта 1834 и

других годов. По данным на 1856 г. она принадлежала статскому советнику Мордвинову. В постсоветское время число жителей составляло от 13 до 30 человек. Позднее владельцем деревни стал лесопромышленник Иван Фёдорович Борошнев.

Название, скорее всего, также отфамильное, но в форме, характерной для архаичных русских топонимов. Возможно, впрочем, что оно произошло от названия города Рязань и как-то связано с переселенцами из соответствующей губернии.

На левом берегу – смежно расположенные *деревни Устеево* и *Ручьи*. Они впервые появляются на карте Шуберта 1834 г. Первая из них подписана как *Устиева*. По Описанию 1838 г. деревня имела двойное название *Бардинщина (Устеево)*, принадлежала генерал-майору Бегичевой. В Списке 1856 г. деревня приведена с такими же названиями и значится как деревня статского советника Мордвинова. В Списке 1862 г. деревня именуется Устиево.

Название Бардинщина присутствует и в последующих справочниках, включая «Памятную книжку Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г. После революции 1917 г. утверждается название Устеево. В постсоветское время число жителей составляло от 7 до 14 человек.

Устеево – это, скорее всего, отфамильный топоним (поскольку какого-либо устья поблизости нет). *Ручьи* – это весьма распространённый случай переноса элементов местности на название поселения. Один из расположенных вблизи этой деревни ручьёв –

¹¹ Там же.

Дом в усадьбе Бардинщина, сгорел в 1996 г. Фото А. И. Жукова

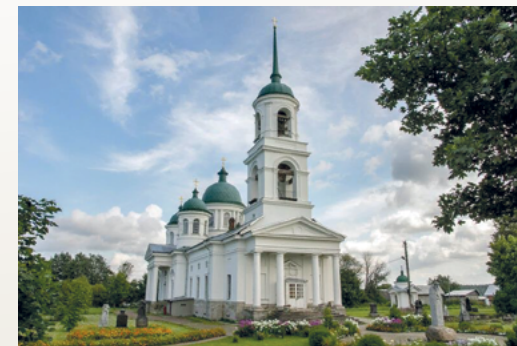
Бардинский. И упоминаемая в источниках Бардинщина – это усадьба, которая находилась в месте впадения ручья в Пашу.

Устроил усадьбу Николай Андреевич Вындомский (1748–1783) – полковник, предводитель дворянства Новоладожского уезда. Дочь Вындомского Екатерина Николаевна (1775–1840) построила новый господский дом – деревянный, двухэтажный, с мезонином, со службами во внутреннем дворе, а у реки разбила регулярный парк. После Вындомских усадьба перешла к Бегичевым, затем к Дашковым, затем продана П. И. Мордвинову, у которого в 1869 г. её купил Иван Фёдорович Борошнев. В конце XIX в. его сын Яков Иванович заново отделал дом, пристроил двухэтажную веранду, остеклённую витражами, соорудил каминные с замечательными рельефными изразцами на лесные темы, парк дополнил посадками дуба, вяза, пихты, кедра. Борошневым усадьба и принадлежала до 1917 г. В советское время в старинной усадьбе располагались райком партии,

сельсовет, библиотека. В 1996 г. дом сгорел. На его месте была построена церковь Св. Александра Свирского. От старого парка остались деревья на берегу. Здесь же находится так называемый «домик Кирова» – перевезённый в 1948 г. с берегов речушки Свинки (близ деревни Загубье) охотничий дом С. М. Кирова, который любил охотиться в здешних лесах. С 1952 г. в нём располагается детская библиотека.

Мы достигли административного центра Пашского сельского поселения – села Паша. Название совпадает с названием реки, но так было не всегда. По данным на 1862 г. здесь была *деревня Пашский Перевоз*, состоявшая из трёх дворов. Здесь, на Архангелогородском тракте, находился казённый перевоз через реку Паша. В 1914 г. началось строительство Олонецкой железной дороги, в 1916 г. открылась станция IV класса Паша, при которой вырос посёлок. После революции 1917 г. образуется Пашская волость. В 1918 г. здесь создан леспромхоз, вскоре – и другие промышленные объекты. 1 ав-

Храм Рождества Христова в деревне Надкопанье.
Источник: <https://www.sony-club.ru/forum/threads/xramy-sobory-monastyri-mecheti-kolokolni-vsego-mira-arxitektura-i-interer.42695/page-39>

густа 1927 г., одновременно с образованием Ленинградской области, был образован Пашский район с райцентром в селе Пашский Перевоз. Пашский район был упразднён в 1955 г. и стал частью Новоладожского района, с 1963 г. – в составе Волховского района.

Название Пашский Перевоз было актуальным длительное время. В 1936 г. была сооружена лава (деревянный подвесной мостик), и только в 1960-е гг. берега Паши связал мост.

В 1976 г. село Пашский Перевоз и посёлок при станции Паша были объединены в село Паша. В 2004 г. в состав села включена территория упразднённого посёлка Лесозавод. В 2012 г. в селе проживали 3844 человека.

К селу Паша на левом берегу реки примыкает *деревня Берег*, впервые упоминаемая в Справочнике 1966 г., но, по воспоминаниям, она появилась ещё в 1920-е гг. На 2012 г. число жителей составляло 85 человек. Происхождение названия деревни очевидно.

Ниже по течению, в месте, где из Паши вытекает *река Косопаша* (в некоторых источниках название реки приведено как *Коза-Паша*) – *деревня Надкопанье*. На этом месте на карте Шу-

берта 1834 г. и других картах обозначен *Погост Рождественский*. В Описании 1838 г. здесь значатся казённая *деревня Надкопанья* и *погост Пашский* с каменной церковью во имя Рождества Христова. В Списке 1856 г. деревня именуется *Надкопанье*. А в Списке 1862 г. – двойное название: *Надкопанье (Антонушково)* и также погост Пашский. В Сборнике 1885 г. присутствует имя *Надкопанья*. В последующих источниках оно приобретает современную форму. По данным 1933 г. деревня Надкопанье была административным центром Карпинского сельсовета Пашского района. В 2012 г. число жителей составило 85 человек.

Рождественский на реке Паше погост упоминается в Писцовых книгах Обонежской пятины начиная с 1496 г., а в переписной книге 1582–1583 гг. сообщается, что на погосте «*церковь Рождества Христова каменная, да на погосте место церковное, что была церковь Николы Чудотворца; церковь сожгли немецкие люди...*». Позднее здесь также стояли две церкви: каменная, во имя Рождества Христова и Пророка Илии и деревянная, во имя Благовещения и Св. Николая (были

Деревня Надкопанье.
Фото Владимира
Колесникова.
Источник: [http://
rasfokus.ru/photos/
tr/peka/new/
photo1644676.html](http://rasfokus.ru/photos/tr/peka/new/photo1644676.html)

разобраны соответственно в 1814 и в 1823 гг.). У церкви был похоронен Яков Яковлевич Мордвинов, позднее здесь появились семейные захоронения Борошневых. Вновь храм Рождества Христова, пятиглавый, с колокольней, был возведён в 1822–1828 гг. по проекту архитектора А. И. Мельникова в стиле классицизма. В храме был похоронен генерал Ф. И. Априлев. В 1930-х гг. церковь была закрыта, священник и причт расстреляны в 1937 г. Вновь возвращена верующим в конце 1990-х.

Название Надкопанье, видимо, связано с тем, что деревня находилась на возвышении относительно каких-то раскопок.

На правом берегу против истока Косопаши протянулась *деревня Медвежья Кара*. Известное по картам Шуберта как *Медведева*, её название впоследствии трансформировалась в *Медведево* (так оно приведено во всех справочниках XIX в.). В довоенный советский период топоним оставался прежним. Но

в Справочнике 1966 г. вместо Медведео впервые появляется название Медвежья Кара. Такое превращение необычно для топонимики советского периода, и достоверных объяснений ему нет. Заметим, что территория прежней деревни Медведео находилась южнее и вошла в черту села Паша. Медвежья Кара, скорее всего, возникла как новая послевоенная деревня и взяла себе исчезнувшее название, трансформировав его из отфамильного топонима в словосочетание. Смысл его кажется вполне определённым, но непонятым применительно именно к данной деревне. Однако невозможно с уверенностью утверждать, что слово «кара» здесь имеет привычное в русском языке значение наказания в его эмоционально-архаичной окраске. Есть подобные финно-угорские топонимы, распространённые в Ленинградской области, однако относящиеся к более древним временам.

Севернее Надкопанья – *деревня Томилино*. На карте Шуберта 1834 г. обо-

значены *деревня Томила* и смежная с ней *деревня Убой*. В Описании 1838 г. приведены казённые *деревни Подбережье* и *Обои*. В Списке 1856 г. даны они же, но Обои превратились в *Обой*. В Списке 1862 г. даны *Подбережье (Томилино)* и *Обой*. На карте Петроградской губернии издания губернского земства 1916 г. обозначены *Подбережье 1-е* и (севернее) *Обой*. В довоенный период существовала деревня *Обой Карпинского сельсовета*, в послевоенный – *деревня Томилино Пашского сельсовета*. Число жителей Томилино на 2012 г. – 21 человек.

Ниже Томила Паша течёт в северо-западном направлении. На её левом берегу – *деревня Карпино*. Впервые появляется на карте Шуберта 1834 г. как *Карпина*, принадлежала Казённому Ведомству. По Списку 1862 г. она значится как *Карпино на Паше*, в Сборнике 1885 г. – *Карпина Первая (Паша)*, а в «Памятной книжке Санкт-Петербургской губернии» за 1905 г. – *Карпина Первая (Паша) при реке Паша*. В довоенный советский период (карта Генштаба 1941 г.), а также по данным Справочника 1966 г. деревня состояла из двух частей на левом и правом берегах. Число жителей в деревне в постсоветский период быстро сокращалось, и к настоящему времени она практически обезлюдела (в 2012 г. – 1 человек).

Происхождение названия, очевидно, отфамильное.

Следующая деревня – *Подбережье*. Деревня с таким названием, ставшая Томилиным, уже упоминалась (потому на некоторых картах она и обозначалась как *Подбережье 1-е*). *Побережье*

упоминается в переписи 1710 г. в составе Рождественского Пашского погоста Заонежской половины Обонежской пятины («*Мокия Ишкарина 2 дворы деревни Побережья а ныне в жили один двор*»).

Согласно Описанию 1838 г., деревня *Подбережье* принадлежала малолетним господам Априлевым. В Списке 1856 г. она значится как *деревня генерал-лейтенанта Априлева* и малолетних Априлевых. В «Памятной книжке...» за 1905 г. значится как *Подбережье 2-е*. В постсоветское время в деревне проживали от 2 до 5 человек. Происхождение названия очевидно.

Наконец, мы достигли последнего населённого пункта на Паше. В месте впадения в реку Свирь, на семи островах, образуемых рукавами и протоками Свири и Паши, расположен посёлок *Свирица* – административный центр Свирицкого сельского поселения. По территории посёлка протекают девять рек и каналов. В Свирице размещаются речная пристань Северо-Западного речного пароходства, затон, судоремонтные мастерские, сплавная контора, принимающая лес, подходящий сюда из рек обширного бассейна Ладожского озера для последующей буксировки к Санкт-Петербургу.

Поселение было основано в начале XVIII в. в связи со строительством Староладожского канала. Огромные лесные массивы по реке Паше и её притокам осваивал в первой трети XIX в. Федул Григорьевич Громов (1764–1848), построивший здесь несколько лесопильных заводов. При-

меру Громова последовали другие купцы. В Списке 1862 г. упоминаются *Усть-Пашский лесопильный паровой завод* и *деревня Усть-Пашская разных сословий при реках Куйвасари и Паше*. В Сборнике 1885 г. значится *посёлок Свирица (Свирицкие Харчевни)*. В «Памятной книжке...» за 1905 г. *Свирица (Свирицкие Харчевни)* упоминается как посад¹².

Свирица была важнейшим селением Новолодожского уезда. В ней работали различные учреждения, а главным промышленным предприятием был лесопильный завод «Громов и Ко», владельцем которого стал В. А. Ратьков-Рожнов.

С 1914 г. известно *селение Свирицы* – пристань по Приладожским каналам – через 8 вёрст после села Загубье. Впоследствии оно стало *Новой Свирицей* – частью общего посёлка. На карте Петроградской губернии издания губернского земства 1916 г. обо-

¹² Памятная книжка Санкт-Петербургской губернии. 1905 г. С. 215.

значены *Лесоп. завод, Ст. Свирица* (на левом берегу Паши) и *Нов. Свирица* (на берегу Свири).

По данным 1933 г. деревня Новая Свирица была административным центром Свирицкого сельсовета Пашского района. В состав сельсовета входили деревни Кондратьево, Новая Свирица, Старая Свирица и посёлок Заводской. С 1 декабря 1938 г. Старая Свирица и Новая Свирица считаются одним рабочим посёлком Свирица. В 2010 г. в посёлке Свирица Свирицкого сельского поселения проживало 609 человек.

Завершая наше топонимическое путешествие по Паше, ещё раз отметим значение этой реки в хозяйственном развитии Северо-Запада. С поселениями, расположенными на её берегах, связано несколько весьма значительных фигур российской истории. В топонимическом же отношении – это зона сосуществования вепских и русских названий, но далеко не все топонимические загадки имеют однозначные ответы.

С. Б. ВАСИЛЬЕВ

ОНЕГА, ЛАДОГА, НЕВА – МЕТАМОРФОЗЫ ТОПОНИМОВ

Что такое -га?

Минуло более девяти тысячелетий, как после окончания ледникового периода на территории современной Карелии и прилегающих к ней областей появились первые поселенцы. Пути их миграции из более тёплых краёв проходили по самым доступным тогда для продвижения водным маршрутам. С юго-востока – по рекам Северной Двине, Онеге, с южного и юго-западного направления – по Неве, Свири, Ладожскому и Онежскому озёрам и далее на север.

С тех пор сменилась не одна историческая эпоха, а с веками – и этнический состав населения. На место самых древних людей, которых мы сейчас определяем одним общим названием *протосаамы*, пришли саами (лопари), позднее их вытеснили далеко на север или ассимилировали другие финно-угорские народы – вепсы, карелы, сумь, едь, современные финны. В конце первого – начале второго тысячелетия наш северный край стал активно заселяться словенцами (славянами).

Первые поселения возникали преимущественно по берегам рек и озёр. Названия этим водоёмам тоже давали первопоселенцы. Однако сохранились ли те наименования до нашего времени?

Однозначно можно сказать, что при смене этнических пластов топонимы в значительной степени также претер-

певали изменения под более понятное для каждого народа значение. Этот процесс происходит и в наше время. Так, в Карелии двусоставные названия¹ озёр, ещё совсем недавно (по историческим меркам) имевшие карело-финское окончание *-ярви* или саамское *-явр*, что означает «озеро», практически превратились в двуязычные, так называемую «полукальку», где *озеро* уже звучит по-русски (например, *Водлозеро*). Топонимы, схожие по звучанию с русским языком, «ассимилировались» – *Соломенное (Салмен-ое)*, *Деревянное (Тервяйне-ое)*, *Белозеро (Лелль-озеро)*, *Боярская (Пайявр-ское)* и т. д. Логично допустить, что подобная трансформация имела место при смене других языковых групп и в более раннее время.

В то же время можно уверенно утверждать, что до наших дней сохранилась и часть самых древних топонимов. Это названия многовековых поселений или очень крупных водоёмов, на берегах которых одновременно в какой-то переходный исторический период могли проживать разные этносы. Им для общения удобнее было употреблять сложившиеся, хотя уже и не совсем понятные для новых посе-

¹ В соответствии с принятой терминологией, такие названия обозначаются как гибридные, или двуязычные; см.: Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978. С. 46, 52. – Ред.

ленцев названия. Как правило, такие топонимы относятся к субстратной лексике и не поддаются переводу с помощью более современных языков – финского, карельского, вепсского, саамского.

Одним из признаков, указывающих на древность топонима, служит морфема *га*, которая присутствует в качестве форманта во многих гидронимах. На *-га* оканчиваются названия большого количества рек и некоторых озёр. При более глубоком изучении этих топонимов выясняется, что немалое их количество располагается на территории древнего расселения саамов – от берегов Балтики до Баренцева моря на западе до Архангельской и Вологодской областей на востоке.

Есть основания полагать, что это *-га* саами осознанно, то есть, понимая значение слова, позаимствовали у более древнего народа и долго применяли в сложных топонимах наряду с появившимися другими саамскими гидронимами, оканчивающимися на *-ой*, *-оя*, *-уя*, *-ай*, *-уай*, *-вуай*, *-вуэй* (река, небольшая река, ручей), или на *-йок*, *-йогк* (большая река). Интересно, что *-га* лопари применяли к водным потокам разной величины – от ручьёв до таких крупных рек, как *Варзуга*. Вероятно, множество новых гидронимов появилось позднее, с возникновением потребности уточнения размера или характера реки.

Подтверждением древнего происхождения форманта *-га* может служить то, что названия рек, оканчивающихся на него, встречаются по всему центру и северу Европейской части России, и даже далеко за пределами обитания

саамов. Это реки *Пинега*, *Молога*, *Ветлуга*, *Вятка* (*Вятга*), *Ока* (*Ога*), *Вашка* (*Вашга*), *Свияга*, *Елабуга*, и конечно, *Волга-матушка*. Таким образом, *га* в саамской лексике надо рассматривать как элемент субстратного пласта.

В топонимике формант *-га* признаётся детерминантом, указывающим на речную принадлежность гидронима, но наряду с реками, мы знаем и озёра, названия которых оканчиваются точно так же. Они хорошо всем известны – *Ладога* и *Онега* (*Онего*). Имеется ли в этих названиях какая-то связь с реками?

Ладога – наследие саамов

Начну с Ладоги. Для краткости не буду ссылаться на все подряд источники и даты, которых достаточно в информативном пространстве. Как-то в начале 2000-х гг. я рыбачил на одной из крупнейших рек Кольского полуострова – *Поноя*. На этой довольно протяжённой реке во все времена имелось только четыре селения, из них самое крупное и с многовековой историей – *Каневка*. Пролетаем на вертолёте эту Каневку и тут же, недалеко от неё, делаем посадку на галечную отмель при впадении небольшой речки. Вылезают из вертолёта два француза, один сразу падает на колени и в молитвенной позе повторяет – альденьга, альденьга, альденьга. Спрашиваю у гида: о чём это он? Оказывается, француз три года назад здесь уже был, и вот сбылась мечта попасть сюда снова, и как в молитве он приветствовал это место – речушку *Альденьга* – первый приток Поноя со стороны Каневки вверх по течению.

Благодаря такой яркой картинке я хорошо запомнил название этой реки, но толкованием тогда, ввиду малозначительности объекта, не занялся.

Спустя несколько лет прочитал книгу доктора исторических наук С. И. Кочуркиной. В работе есть ссылка на древнескандинавскую сагу, в которой поселение, известное нам сегодня как *Старая Ладога*, названо *Альдейгьюборгом*².

В памяти сразу всплыло – Альденьга! Быстро выяснил: *алльт* по-саамски – «близко», «рядом». Значит *Алльт-еньга* – Ближняя речка. Так и есть – это первый, ближний от древнего поселения, не ручей, а полноценный приток Поноя размером с реку.

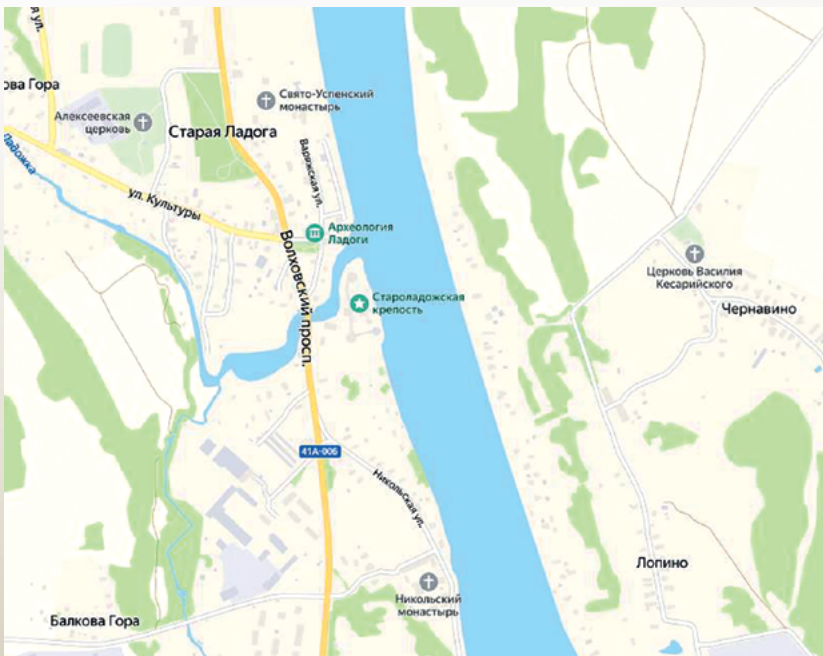
В скором времени я нашёл возможность посетить Старую Ладогу, которую до этого всегда проезжал мимо. Первым делом направился в музей – Староладожскую крепость, одну из крепостей – оплотов Великого Новгорода, расположенную на левом берегу не менее великого Волхова. В большом зале крепостной башни увидел огромную исто-

² Кочуркина С. И. Народы Карелии. История и культура. Петрозаводск, 2004. С. 34.

рическую карту начального периода строительства крепости. Сердце сразу порадовало название Ладожского озера тех времён – *озеро Нево*. Спрашиваю экскурсовода: нет ли тут речки с названием, похожим на Альденьгу? Да есть, – отвечает, – вот у самой крепости, *Ладожкой* называется.

Вернувшись домой, сразу же начинаю изучать историческую литературу и выясняю, что Альдейгьюборг имеет место быть не только в шведской, но и в норвежской саге, что скандинавы владели городом ещё до прихода славян. Но кто же был до всех них, и есть ли следы саамов? Найти такой след – дело почти безнадежное. За тысячу лет интенсивного заселения этих мест новгородскими выходцами не только саамский след, но и последующие – карельский и вепсский, почти что стёрлись. А те немногие финно-угорские топонимы уже так искажены, что определить, где саамский, а где карельский, почти невозможно. Археологических свидетельств присутствия саамов уже, как говорится, давно и след простыл.

Кто ищет, тот всегда найдёт! И не просто какой-нибудь спорный топоним,

а этноним – самое что ни на есть верное свидетельство со стороны славянских поселенцев о проживании здесь лопарей, или лопи, как их чаще называли.

Почти напротив крепости, на другом берегу Волхова находится деревня Лопино! Коль скоро её название явно указывает на проживавших когда-то здесь лопарей, значит, и саамы могли обитать неподалёку. Где лучшее место для рыбаков-охотников? Конечно, у впадения в Волхов какой-нибудь речки, в устье которой намного проще ловить рыбу, чем в большой реке. Каким образом они могли назвать такую речку, ближнюю к их поселению? Так и назвать – Ближняя, то есть Альдейга (Алльтей-га). И пример такой уже имеется – река Альденга у селения Каневка на реке Поной.

В те отдалённые времена материальных ресурсов было маловато, поэтому зачастую средневековый люд предпочитал присваивать чужое имущество, а не самим создавать материальные блага. Воинственные скандинавы не были исключением, скорее наоборот – надо полагать, при первом знакомстве с лопарями они воспользовались тем, что саамы успели возвести и нажить на этой земле.

Выше по течению Волхова находились пороги, которые было невозможно проходить на больших судах. Поэтому, «не мудрствуя лукаво», скандинавы здесь и обосновались, вместе с имуществом «захватив» и название местечка, вернее, впадающей рядом речушки, добавив к её названию соответствующую приставку. Получилось:

Альдейгьюборг – Город на Альдейге. Предполагаю, учитывая, что практически весь шведский север в то время был заселён лопарями, саамское название реки пришельцам оказалось понятно и вполне их удовлетворяло.

Но не долго хозяйничали шведы на озере Нево и Волхове. На их место пришёл «русский люд», повторив всё то же самое. Да вот с названием городишка незадача вышла – трудно оказалось русскому человеку выговаривать доставшееся в наследство незнакомое слово Альдейгьюборг. Да и патристические чувства, наверно, не в пример основателю города на Неве, не позволили заимствовать вражеское слово «бьорг»! Назвали просто – Альдейга, как и речка. Да вот опять язык сломаешь – как-то всё на Ладогу просится, что и прижилось со временем в названии города. А речку, чтобы название с городом не путать, учитывая её размеры, превратили в Ладожку.

Учёный-топонимист Г. М. Керт пишет об этом: «То, что слово Ладога возникло из Алдога путём метаморфозы (перестановки звуков), ни у кого из учёных не вызывает сомнения. Действительно, в древнерусском языке при заимствовании было закономерно образование “лад” из “алд”»³. Подобные метаморфозы со звуками л и д на Руси – не исключение. Так, некоторые лингвисты считают, что славянское имя Владимир происходит от германского Вольдемар. При этом смысл обоих имён примерно одинаков.

³ Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск, 1982. С. 59.

Ну а что же случилось с названием озера Нево? Русским людям оно досталось «по наследству», поэтому всё чаще они стали называть его, как им принадлежащее – Ладожским. Тем более что смысл названия Нево был уже давно утрачен. Можно привести другой подобный исторический пример – Балтийское море славяне когда-то звали Варяжским или Свейским. Когда же время варягов закончилось, стали звать по новым хозяевам – балтам, то есть Балтийским морем, коротко – Балтикой⁴. Так же и Ладожское озеро со временем для удобства в речевом обращении получило второе, краткое название – Ладога, что переводится очень просто – Ближняя речка. В вероятное подтверждение этой гипотезы процитирую Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: «В старейших русских летописях Ладожское озеро значится под именем Нево, в договорах новгородцев с ганзейскими городами – под именем Алдея, Альдачен, а некоторыми писателями называлось Альдога. Название Ладожского озера в первый раз встречается в летописи в 1228 г.»⁵.

⁴ Ср. с общепринятой версией происхождения названия Балтийского моря (лат. Balticum mare), изложенной немецким хронистом Адамом Бременским, который впервые его и упоминает в 1075 г.; см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 4-е изд., стереотип. Т. 1. М., 2004. С. 118. – Ред.

⁵ Белявский П. Ладожское озеро // Энциклопедический словарь / изд.: Ф. В. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XVII. СПб., 1896. С. 242.

В действительности, первое упоминание озера именно как Ладожского содержится в Лаврентьевской летописи под 1220 г. – Ред.

Получается, что до появления гидронима Ладога иноземцы уже называли озеро по имени своего когда-то поселения в низовьях Волхова.

Справедливости ради надо сказать, что существуют и другие гипотезы происхождения названия Ладоги. Ранее в «Топонимическом альманахе» М. Ю. Удалов уже дал обзор всех основных существующих версий и развил самую популярную из них, где Ладога переводится как «Нижняя речка» (Ala-djogi). Автор попытался обосновать понятие «нижний» перепадами по всей реке между порогами. По его версии, около речки Ладожки как раз был такой каменный выступ на дне – на нижнем уровне порогов. Не вдаваясь в подробности, хочу заметить, что в любой реке есть верхний и нижний (устьевый) уровень, но в топонимике нет аналогичных примеров, чтобы по таким признакам называли небольшой приток. Тем более что до самого низа, устья Волхова, остаётся ещё около десяти километров⁶.

Подобный способ исторического становления топонима *Ладога*, а также версию его возможного саамского происхождения высказал доктор исторических наук А. И. Попов, книгу которого цитирует М. Ю. Удалов: «Что касается объяснения названия речки *Ладоги*, то оно имеет достаточно выраженный

прибалтийско-финский характер, скорее всего, от Ala-djogi – “Нижняя речка” <...>.

В данном случае, по-видимому, наиболее вероятной является такая последовательность: 1) прибалтийско-финский или саамский оригинал (нам в точности не известный) названия речки Ладоги в низовьях Волхова; 2) русская передача этого названия (Ладога) с последующим переносом на торговый пункт – г. Ладогу; 3) вследствие большого значения города – перенос его имени (Ладога) на озеро (Ладожское) в новгородской традиции»⁷.

Таким образом, распространённую версию «Нижняя река» А. И. Попов предлагает с достаточной степенью осторожности. Вдобавок, желательнее сравнить, что именно фонетически ближе к гидрониму *Ладога*: саамское *Альдейга* или прибалтийско-финское *Аладьёги*? Думаю, что ответ будет не в пользу последнего. Да и шведское название поселения известно под названием *Альдейгьюбьёрг*, а не *Аладьёгибьёрг*, что тоже, согласитесь, ближе к саамской версии. Поэтому я надеюсь, что оставшийся неизвестным А. И. Попову «саамский оригинал» названия речки *Ладожки*, предложенный мною, также найдёт своё достойное место среди других версий происхождения названия *Ладожского озера*.

Нева-Нево. Пути трансформации

Откуда же появилось первое название озера – *Нево*, а также реки

⁷ Попов А. И. Следы давно минувших лет. Л., 1981. С. 91.

Невы? Оба названия так созвучны, что с большой степенью вероятности можно предположить – они имеют одну общую основу. Сегодня оба имени различаются лишь ударением и окончанием. Осмелюсь утверждать, что в то время, когда река и озеро получили своё название, таких расхождений ещё не существовало, разве что для их отличия водоём имел приставку *озеро*, в прибалтийско-финской/саамской версии звучавшую как *ярви/явр*, а река – соответствующую «речную» приставку *йоки/йок*.

Ещё одна существенная особенность этих объектов: *Нева* – единственный исток из *Ладожского озера*. Между тем для нашего региона весьма характерно то, что названия таких пар (озёр с вытекающими из них реками) исторически формировались на единой основе. Таких примеров можно привести множество. Дело в том, что в озеро может впадать сколько угодно рек, а вытекает только одна – в самой нижней точке береговой линии. Поэтому общая основа в названиях такой пары – озера и вытекающей из неё реки была вполне оправдана и помогала древним людям безошибочно ориентироваться на местности.

Для более полной убедительности я изучил топонимию всех крупнейших озёр Карелии в количестве двух десятков. Все они, за редким исключением, имеют с вытекающей рекой общее название. Пример: *Выг* – *Выгозеро*, *Сегежа* – *Сегозеро*, *Водла* – *Водлозеро*, *Янисйоки* – *Янисярви*, *Кереть* – *Керетьозеро*, *Онда* – *Ондозеро*, *Шуя* – *Суоярви*, *Лижма* – *Лижмозеро*, *Волома* – *Волома* и т. д.

Исключения из этого правила можно отметить только в случае, когда один из водоёмов изменил своё первоначальное название. Пример – карельское озеро *Сямозеро*, в переводе – *Саамское озеро (самь, сямь-озеро)*, но вытекает из него река *Сяпся*. Понятно, что сами *лопари* озеро именем самих себя назвать не могли, такое название давалось более поздними пришельцами, вероятно, карелами – видно, уж очень много саамов проживало на этом богатом рыбой водоёме. Первоначальное название озера могло быть похоже на *Сяпсяярв*, подобно наименованию вытекающей из него реки *Сяпси*, что переводится, я уверен, как *Сиговая река*. Ещё совсем недавно с *Онеги* в *Сяпсю* заходило много крупного сига, и рыбаки могли похвастаться хорошими уловами этой ценной лососёвой рыбы. Сиг по-саамски звучит примерно как «шаб» или «шабш», хотя через русскую букву *ш* передавать звучание этого слова не совсем корректно – должно быть шипящее где-то между *ш* и *с*.

Трансформация *шапш* в *сяпсь* удивления не вызывает: переход звука *ш* в *с* или наоборот в карельской топонимии дело обычное – какие народы как говорят. Так, слово «остров» финны произносят как *саари*, ближе к *с*, а вот, к примеру, сегозерские карелы – как *шаари*. Но и на самом *Сямозере*, где-то в километре от истока *Сяпси*, есть мыс под названием *Шапнаволок*!

Ещё одним «псевдоисключением» из правила парного наименования можно назвать тот случай, когда крупные озёра являются частью искусственного водохранилища. Люби-

⁶ В указанной статье форма *Ala-djogi*, то есть *Нижняя речка*, связывается с Балтийско-Ладожским уступом или глинттом, пересекающим Волхов как раз в этом месте; см.: Удалов М. Ю. Ладога. Ладжица, Ладожка // Топонимический альманах. 2019. № 1 (9). С. 9–26. – Ред.

тели карельской рыбалки, часто посещающие такое крупное озеро, как *Пяозеро*, могут спросить – где же вытекающая из него река *Пяя*? Ответ несложен. Водохранилища имеют в своём составе несколько озёр. Так, *Пяозеро* входит в систему образованного в 1960–1961 гг. *Кумского водохранилища*, в котором присутствует ещё одно крупное озеро – *Топозеро*, а единственная вытекающая из системы река называется *Кума*. Так же сложилось и с появившимся в те же годы *Иовским водохранилищем* на границе Карелии с Мурманской областью – озеро в его составе много, а вытекает одна река *Иова*. К тому же с образованием водохранилищ реки, соединявшие некогда отдельные озёра, могли повернуть свои воды вспять, и в этом случае не всегда удаётся отследить логику истории образования таких гидронимов.

Ладожское озеро (Нево) тоже не стало исключением из этого правила и получило такое же «общее» имя с рекой, возможно, изначально называвшейся *Нива*.

Нива – довольно распространённое название рек в Карелии и Мурманской области, их не менее десятка. Произошло это название от саамского слова *ньявв*, что означает – быстрина, пережат между порогами. Но судя по большому количеству таких топонимов, древние саами стали применять это название не только для единичных пережатов, но и распространили его целиком на реки с быстрым течением и множеством пережатов. Думаю, петербуржцы согласятся, что такое название: Нива – Бы-

страя, вполне соответствует характеру их реки.

При этом может возникнуть вопрос – почему не *нява*, а *нива*? Да, есть и река *Нявка (Нявга)*, на территории Лапландского заповедника Мурманской области, все остальные находятся южнее и называются Нивы. *Ньявв* – это звучит на кильдинском, самом северном саамском диалекте, а ведь есть ещё три признанных диалекта только на территории русской Лапландии. Различия этих диалектов таковы, что лопари с разных частей Кольского полуострова не всегда хорошо понимали друг друга, а в целом у саамов насчитывается девять языковых диалектов.

Ударение в слове *Нева* было на первый слог, как положено у саамов, финнов и карел. Но русский люд недолюбливает так произносить. Вот был же всегда *Мурманский берег, Мурманск*, а как «понаехали», стал уже и Мурманск. Территориально более близкий пример – «превращение» наименования острова Кижы в Кижь. Не исключена такая метаморфоза и с Невой – где Нивá, там русскому слуху милее будет уже и Невá. Хотя и не исключено, что слово *нива* на местном диалекте могло звучать как *нева*. Так, в монографии исследователя саамской топонимики Г. М. Керта, в Приложении № 2, понятие «стремнина» передаётся не только словом *njavv*, но и *nevvash*⁸.

При этом надо понимать, что расхождение этих гидронимов по ударениям только способствовало ясности

⁸ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск, 2009. С. 121.

осознания их объектности – где река, а где озеро, вследствие чего со временем оба потеряли свои приставки «река» и «озеро», что вполне характерно для таких крупных водных объектов. «Правильное» ударение – на первый слог – осталось за озером, но так как слово «озеро» среднего рода, а мы со школьной скамьи знаем, что такие слова оканчиваются на «о», то и озеро Нива (или Нева) со временем превратилось в Нево.

Надо заметить, что такие случаи смыслового разделения омонимов по ударениям (омографы) довольно распространены в русской речи. Примеры: *ворóны* (серые) и *вóроны* (чёрные), *мука́* и *му́ка*, и т. д. Даже в современном языке можно наблюдать такой процесс становления лексического «размежевания». Давно ли мы узнали, что такое *информационная сеть*? Но уже сегодня, если мы слышим слово «сеть», наше подсознание ориентирует нас именно на это понятие, поэтому в современной речи всё чаще пропадает определение «информационная». При этом никуда не делись рыболовные, торговые и другие «сети». Живой русский язык находит возможность сориентироваться в этом многообразии сетей именно с помощью ударения. Так, например, мы говорим: «нет *се́ти*» (рыболовной, торговой), но «нет *се́ти*» (информационной); или: «мы наловили в *се́ти*», но «мы наблюдаем в *се́ти*». Вероятно, таким же образом для наших предков разрешился и вопрос использования субстратного омонима *нева* применительно к озеру или реке.

Ещё вопрос, который может возникнуть: есть ли другие свидетельства обитания саамов в бассейне Невы, как это удалось обнаружить на Волхове? Этот регион испытал ещё большее, чем на Волхове, воздействие более поздних культур на древнюю топонимику. Что тут говорить, если на Неве есть остров с названием *Главрыба*⁹.

Но и здесь удалось найти неоспоримое свидетельство саамского присутствия – это приток Невы *река Охта*. Почему саамского, а не другого финно-угорского языка? Во-первых, одноимённые названия с основой «охта» имеются в местах исторического проживания саамов на Кольском полуострове. Во-вторых, в финском, карельском и вепсском языках все похожие по звучанию слова имеют основу «юхт», которая понимается как что-то единое, целое. И первым должен быть звук «ю», но трансформация *юхты* в *охту* совсем маловероятна.

В саамском же языке понятие «объединение» начинается с «о» или «э» (*оххта, эххта*), а слово *эххтэ* вообще применяется для жидкой среды, то есть переводится как слияние потоков. Поэтому, вероятнее всего, саамское название Охта эта река полу-

⁹ Историческое название этого острова, находящегося у невских Ивановских порогов, на 1701 г. – *Сирвисаари* (см.: *Мартынов Г. Г.* Село Анненское: краткий ист. топоним. очерк // Топонимический альманах. 2021. № 1 (13). С. 15). Наименование *Главрыба* появилось после того, как в 1922 г. здесь был основан «Невский рыболовный завод». – Ред.

чила, как образованная слиянием двух других рек, и название это закрепилось далее по всей её длине до впадения в Неву. Объяснить начальный звук «о», а не «э» этого гидронима можно опять-таки различием диалектов. Почти все немногие саамско-русские словари в России, которыми мы пользуемся, основаны на кильдинском диалекте, присутствием самой северной ветви лопарей Кольского полуострова. Однако уже немного южнее, всего за сотню с небольшим километров, можно встретить и *Охтозеро*, и *Охтоканду* на озере Имандра.

Есть и другое объяснение, его можно найти в книге «Загадки карельской топонимики». Авторы, рассматривая этимологию названия Онежского озера, ссылаются на немецкого слависта М. Фасмера: «По его мнению, русские заимствовали это название в тот период, когда слова у них не могли ещё начинаться со звука “э”, вместо него выступали “о” или “е...”»¹⁰.

Загадочное имя. Онега или Онего?

В начале статьи я утверждал, что формант *-га* указывает на принадлежность водоёма к речному типу, но, казалось бы, Ладога и Онега (озеро) противоречат этому принципу. Надеюсь, что доводы, приведённые выше в связи с Ладогой, убедительно подтверждают «речное» происхождение названия озера. А что Онега? Или Онего? Здесь

тоже есть свои аргументы в пользу «речного» следа.

Если взглянуть на исторические карты, то можно обратить внимание, что озеро называлось то *Онежским*, то *Онега*, то *Онего*. Да ещё есть и довольно крупная *река Онега* в Архангельской области, относительно недалеко от берегов Онежского озера. Как во всём этом разобраться?

Проще начать с более понятного – наличия двух разных окончаний «а» и «о» в наименовании этого водоёма. Через «а» озеро называлось на более ранних картах и в письменных источниках. Так, в XIV в. появилось завещание Лазаря – основателя Муромского монастыря на берегу Онежского озера. Источник утверждает: «А живущие тогда именовались около озера Онега “лопяне” и “самоядь” – страшливые сыроядцы близ места сего живяху...»¹¹. Но название Онега кем-то признаётся и в наше время. Ещё в 1980-х гг. в Петрозаводске на Октябрьском проспекте существовал специализированный рыбный магазин под названием «Онега». В современной же лексике в основном присутствует Онего – среднего рода.

Думаю, что здесь должно быть объяснение, аналогичное приведённому мною в отношении названия Нево. Озеро – оно ведь оно?! Да и часто можно слышать, и не только среди рыбаков и водников, такое уважительное отношение – «Батюшко Онего». Ну что тут поделаешь...

Как я писал выше, такая трансформация «а» в «о» для Невы произошла из-за подсознательного стремления «разделить» общее название озера и его истока, когда они потеряли свои приставки река/озеро. Но ведь у Онежского озера и его единственного истока – *Свири* нет общего названия? Да, ныне нет. Но я убеждён, что принцип единого наименования для озера и его истока действует и в данном случае. Теорию «парности» применительно к озеру Онега(о) пытался развить и Г. М. Керт. Пытаясь как-то логически связать архангельскую Онегу с Онежским озером, он задаётся вопросом:

«Однако правомерно ли и в названии озера – Онего – выделять тот же речной формант? Обычно одна и та же основа в названиях реки и озера представлена тех случаях, когда они непосредственно связаны, то есть когда река вытекает из озера или протекает через него... Река Онега отстоит от Онежского озера на много километров. Не имеем ли мы дело с разными по происхождению топонимами? <...> Остаётся признать, что названия озера и реки, имеющие разное происхождение, совпали по звучанию.»¹²

¹⁰ Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Указ. соч. С. 69.

¹¹ Там же. С. 12.

¹² Там же. С. 69–71.

Да, начавшийся правильно поиск разгадки привёл Г. М. Керта в тупик. Почему? Он выбрал в качестве пары к озеру ту, другую реку, только лишь потому, что она созвучна с озером. Но если всё-таки предположить, что закон парности не нарушен? Можно ли утверждать, что современные названия этой пары: Свирь – Онега(о) были даны водоёмам изначально? Ведь есть же исторические факты смены названий. Как я уже говорил, это Балтика, Ладога, Сямозеро. Сюда же можно добавить и *Белое море (Студёное)*. Не буду приводить примеры более крупных морей, океанов – многие из них имели другие названия в разные времена. В самой Карелии такие случаи не единичны: так, озеро *Кончезеро* имеет ещё одно, ныне редко употребляемое карельское название *Kendärvi*.

В данном контексте возникает, в первую очередь, вопрос об истории происхождения названия реки Свирь. Почему-то все исследования на эту тему основываются на финно-угорском происхождении слова. Так, М. Фасмер предлагает разгадку имени Свирь в схожем по звучанию слове *сювяярви*, что означает – глубокое озеро¹³. Какая связь? Кто-то пытается найти ответ с помощью саамского языка. Но нет никакой схожести. Почему же никто не ищет разгадку в более позднем периоде, когда здесь появились русскоязычные поселенцы?

Потому и не ищут, что понимают: река получила своё имя значительно раньше – от протосаамов, или от са-

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь... С. 580.

амов, но не в более поздний период, с приходом новгородцев. Совершенно верно, однако исходить в поиске истины надо не из того, что Свирь – это «вечное» название, а из принципа общности наименования пары река-озеро. Если его применить, можно прийти к выводу, что изначально наименование этой пары – озера и его истока, судя по сохранившемуся топониму *онега*, зародилось из основы *оне*.

Почему Свирь – не первичное название реки? Хотя бы потому, что формант *-га*, ещё сохранившийся в исторической памяти применительно к названию озера, точно указывает на самое древнее, может, даже протосаамское происхождение имени и реки, из него вытекающей. Так что же означает, исходя из теории парности, это название и почему произошла его замена на Свирь?

Итак, предположим, что в древние времена существовало озеро с названием, похожим на *Онеярви (явр)*, вытекающая из него река *Онега*, и ещё недалеко, в соседней, ныне Архангельской области – тоже река Онега.

Серьёзное исследование этимологии этого названия провела карельский учёный И. И. Муллонен. Она обоснованно считает, что название Онежского озера «входит в число наиболее загадочных на Европейском Севере». Рассматривая предложенное финнами название *Яяниненярви* (шумное, бурливое озеро) и интерпретируя это название с позиций вепсского языка, И. И. Муллонен всё же признаёт, что топооснову этого слова надо искать

в саамском языке и перевод может звучать как «большое озеро».

Действительно, в наиболее авторитетном на сегодня саамско-русском словаре под редакцией Р. Д. Куруч, основанном на кильдинском диалекте, есть слово *еннэ* (много). И. И. Муллонен утверждает, что это современный перевод, а первоначальное значение было – «большой»¹⁴. С этим мнением нельзя не согласиться. Для Онежского озера понятие «большое» вполне применительно, а вот предлагаемое финнами «шумливое-бурливое» ничего не характеризует – на всех больших водоёмах бывают шторма, в этом смысле Онежское озеро ничем не отличается.

Далее И. И. Муллонен развивает тему происхождения параллельного названия озера – Онежское, и считает, что звук «ж» был позднее добавлен к саамской основе через вепсский язык (*яяниж*) и таким образом появилась древнерусская основа *онеж*. Она считает, что «...основа *онеж* – первична – как это ни парадоксально с точки зрения русского формообразования – по отношению к *онег* (Онего), которая возникла как недостающее звено на фоне *пар типа Ладога-Ладожское озеро, Волга-Волжский*»¹⁵.

Действительно, ещё как парадоксально! Понимая, что форманта *-го* не существует, И. И. Муллонен пытается звук «г» отнести к основе слова, а оставшееся «о» представить как просто окончание.

¹⁴ Муллонен И. И. Название Онежского озера в контексте субстратной топонимии Обонежья. Петрозаводск, 2001. С. 123–124.

¹⁵ Там же. С. 128.

Свирь-Онега

Выше я уже высказывал версию, как озеро Онега со временем превратилось в Онего. Но ведь *-га* – это речной признак, почему же Онежское озеро получило «речное» название? Да по одной причине, что вытекающая из озера река Онега потеряла со временем это имя и стала называться Свирью. Как это произошло? Если рассматривать слово *свирь* с позиций лингвистики, складывается мнение о его славянском, более позднем происхождении, чем названия других рядом находящихся водных объектов, имеющих явные финно-угорские признаки. К тому же в саамском и прибалтийско-финском языке не найти слов, начинающихся на *св-*, а концовка слова *-рь* присуща самой древнерусской лексике: *тверь, дверь, зверь, тварь, деверь, смурь, хмарь, дурь, глазурь, киноварь* и т. д.

Какова этимология слова Свирь? В некоторых источниках говорится, что в древних новгородских рукописях река также имела название *Сверь*. Этот факт даёт повод искать понимание слова не только в звукосочетаниях «св» и «сви», но и «све». Какой смысл кроется в родственных словах: *свести, сводить, свить, связь, свайка, сворка, свиток, сварка, сверло*? Общий смысл всех этих слов – в понятии «скрепить», «соединить». Сверло как инструмент в те времена в основном применялось при изготовлении лодок – для сверления в досках отверстий, чтобы потом через них сшивать, скреплять, сводить доски между собой. Свайка – инструмент для сращивания канатов,

сворка – поводок для нескольких собак, который держат в одной руке. *Свирь* применительно к нашей реке может означать понятие – свести, соединить между собой два озера – Онежское и Ладожское.

Тут сразу же хочется красиво перевести это название на современный язык. Но что приходит на ум? Сводница, Скрепница, Соединительница, Связница... Как непрезентабельно звучит! Всё же *Свирь* – она и есть *Свирь* – лучше, чем предки, не назовёшь: красиво, кратко, понятно, если хорошо вникнуть в этимологию этого топонима.

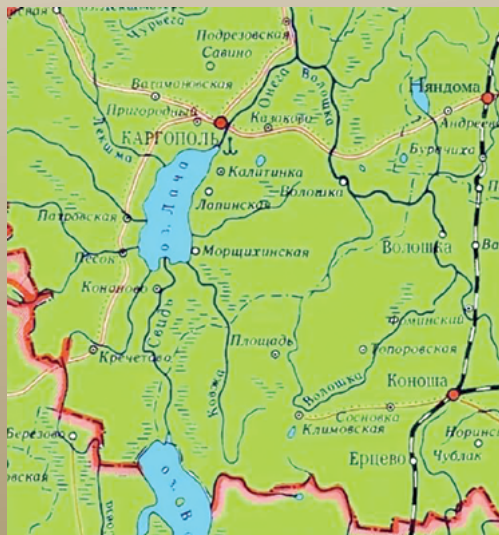
При этом, на каком-то историческом этапе, название *Свирь* стало дополнением к *Онеге*, то есть река называлась *Онега-Свирь*, или наоборот, *Свирь-Онега*. Зачем это потребовалось? Затем, что существовали две реки – в Карелии и в Архангельской области, названия которых для русского человека фонетически воспринимались одинаково: *Онега*. Надо ведь было как-то их различать?

Вот даже обе *Двины*, протекающие в десятки раз далее, чем *Онеги*, стали со временем называть *Западной* и *Северной Двиной*. Да и смысл этих топонимов, наверно, уже давно был потерян. Так что одна река осталась *Онегой*, а другую стали называть *Свирь-Онега*, и никакой путаницы.

Логично, что с приобретением второго имени потребность в двойном наименовании реки отпала, и со временем река избавилась от ставшей уже лишней приставки, превратившись просто в *Свирь*. Таким образом,

древние новгородцы, создатели новых топонимов, как бы «убили сразу двух зайцев» – предоставили двум, вроде бы одинаково называемым рекам, разные имена, а заодно «разделили» озеро с вытекающей из него его рекой подобно тому, как *Нева* «разделилась» с *Нево* через новое название озера – *Ладожское*.

Кстати, в появлении названия *Свирь* напрашивается параллель с архангельской *Онегой*. Она вытекает из крупного озера *Лача*, в которое, в свою очередь, впадает река, соединяющая *Лачу* километров через сорок с ещё одним крупным водоёмом – озером *Воже*. Озеро *Лача* в этой водной системе – это как бы проточное озеро для реки *Онеги*, но вот этот участок, соединяющий два озера, называется не *Онега*, а *Свидь*! Может, эта *Свидь* тоже когда-то была *Онегой*? Этимология же *Свиди*, как понятно из её названия, возможна та же, что и у *Свири*.

Какое озеро больше?

Выше говорилось о том, что «большой» – это перевод саамского слова *еннэ*. Но я отношу это толкование к реке *Онега* (*Эннага*) в Архангельской области, а вот применительно к *Онежскому озеру* и его одноимённому истоку, исходя из саамского языка, более подходит понятие «материнское». Мать по-саамски – *еннь*. Согласитесь, звучит почти как *еннэ*, но разница в понимании значительная. Саамский язык очень сложный, и такие нюансы произношения могут существенно изменять смысл слова, но для лопарей эта фонетика была естественной и в общении им было вполне понятно, о какой реке идёт речь – *Большой* (*Эннага*) или *Мать-реке* (*Энньга*). Пришедшие вслед за саами народы такой разницы в названиях уже не могли уловить и понять.

Переход же начального звука «э» в «о», как и в случае с *Охтой*, можно также объяснить различием диалектов в саамском языке или, как писал М. Фасмер, отсутствием в русском языке слов, начинающихся на «э», вследствие чего произошла замена на «о».

Какие есть основания назвать *Онежское озеро* – *Мать-озером*, а реку *Онегу* – *Мать-рекой*? По сути, озеро даёт жизнь всей этой водной системе, вплоть до Балтики. С него всё начинается. Это озеро, как мать-прародитель, через реку *Онегу* (*Свирь*) дало жизнь *Ладоге*, а та, в свою очередь, через *Неву* – *Балтике*. Такое название не вызывает удивления, потому что понятие «мать» применительно к геогра-

фическим объектам встречается повсеместно у разных народов и во все времена (вспомним хотя бы «*Киев – мать городов русских*»). В древности у саамов это понятие также часто выражалось через слово *акь* – женщина или баба (но не девушка), то есть мать-родительница. Так, известная гора на севере Карелии называется *Кивакка*, что значит – *Каменная баба* или *Мать камней*. В Мурманской области есть озеро *Бабье* и, соответственно, вытекающая из него река *Бабья*. Голый каменный остров на пути из *Петрозаводска* в *Кижы* – *Монак*, что может переводиться с финно-угорского как *Земляная баба* (*Маан-Акка*), и т. д. Да и вообще, как известно из археологии, культ женщины-матери в древности был широко распространён – от Европы до Китая. Уважаемая личность, одним словом, и наше *Онежское озеро* вполне достойно этого названия.

Приведу ещё один довод в пользу «материнского» происхождения названия озера. Попробуем представить себя на месте наших предков. В те далёкие времена не было ни письменности, ни карт, и в общении между собой людям надо было обозначить географический объект таким образом, чтобы сразу становилось ясно, о чём идёт речь. Предположим, стали бы они называть *Онежское озеро* *Большим*, как предлагают некоторые учёные. Так как это слово прилагательное, то изначально оно ещё не было именем собственным, а только указывало на признак объекта, то есть просто большое озеро, а не маленькое.

Но поблизости находится ещё один очень большой водоём, и предкам в разговоре пришлось бы каждый раз уточнять: это какое большое? – из которого соединяющая их река вытекает, или это то, в которое впадает река из «верхнего» озера? При этом надо учесть немаловажный фактор, что Ладога по площади больше Онеги почти что вдвое. Так что, если уж назвать озеро Большим, то резоннее – Ладожское. Но имя Мать-озеро в древнем значении начала, зарождения чего-либо, сразу чётко давало понять, о каком из двух великих озер идёт речь. Ведь Онега – это «мать» Ладоги, а не наоборот.

Архангельская же Онега на имя «мать», как Онежское озеро, так убедительно не претендует. Что она родила? Белое море? Вряд ли. Поэтому оставим за ней только имя Большой. Действительно, река большая, полноводная, протяжённая, достойная этого имени.

Почему Онего, но не Ладого?

Теперь осталось домыслить, как название Мать-озера, а это звучало по-самски, как Эннъявр (Эннъявр), превратилось в Мать-реку (Эннъяга – Онега). Возможно, что в какой-то период озеро так и называлось – *Онеярви*, или *Онеявр*, но, как я обратил внимание выше, в Карелии названия озёр с окончанием *ярви-явр* практически все замещены на двуязычные, с русским переводом определяющей части, то есть на современные двухосновные названия местных озёр, где, как правило, определяющий компонент – русское слово «озеро», а определяемый – финно-

угорское, которые звучат как *Топозеро*, *Сегозеро*, *Пялозеро* и т. д.

Но произносить русскому человеку *Онеозеро* – как-то косноязычно получается. Вот здесь, наверное, и появилось более удобопроизносимое название – Онежское озеро, то есть озеро, принадлежащее реке Онеге. Таким же образом возникли и названия других озёр в форме имени прилагательного, а не существительного – *Ладожское*, *Волжское*. Так что парадокса, о котором говорит И. И. Муллонен, здесь никакого нет. Так же формируются имена прилагательные и от других гидронимов, оканчивающихся на *-га*: *пинежский*, *ветлужский*, *елабужский*, *свяжский* и т. д. Если следовать логике И. И. Муллонен, что прилагательное *онежский* образовалось от основы *янеж*, тогда основой в вышеперечисленных примерах должны быть: *ладож*, *волж*, *пинеж*, *ветлуж*, *елабуж*.

Превращение наименования Онежского озера в Онегу, вернее, появление второго, краткого названия, можно объяснить по аналогии с Ладогой, когда первоначально, не считая Нево, озеро было Ладожским, а только потом, для краткости, стало параллельно называться Ладогой. Ведь не могли же в момент формирования имени сразу назвать озеро по поселению? Тогда и *Псковское озеро* могли бы назвать просто – *Псков*, и *Московское море*...¹⁶

¹⁶ Московское море (также Волжское море) – распространённое, но не официальное наименование Иваньковского водохранилища в Московской и Тверской областях. Образовано в 1937 г. в связи со строительством канала Москва – Волга (ныне Канал им. Москвы). – Ред.

Так и Онега – сначала Онежское озеро, а позднее Онега.

Поэтому и озеро Онега сначала называлось Онежским озером, а уже позднее – Онегой, приняв на себя канувшее в Лету имя реки. При этом надо обратить внимание, что озёра, не имеющие парного названия с вытекающей из них реки, не имеют и второго, «прилагательного» наименования. Ведь не существует же озёр, именуемых *Селигерское*, *Ильменское*, *Таймырское*, *Имандровское* и т. д.?

Данное рассуждение из области филологии наводит ещё на одну простую мысль: мы как-то не задумываемся, почему называем озеро Онежским. Но ведь это прилагательная форма, и подразумевает принадлежность чему-либо, если только это не характеристика водоёма, как *Белое море*, *Чёрное море*, *Тихий океан*. Так, по названиям, Балтийское море принадлежит балтам, *Финский залив* – финнам, *Чудское озеро* – чуди, озеро Нево – реке Нева, *Рыбинское водохранилище* – городу Рыбинску, Ладожское озеро – городу Ладоге.

Так чему или кому принадлежит Онежское озеро? Народу *онегам*? Не было такого. Городу *Онеге*? Да, есть такой город на Белом море, но связи с нашим озером у него никакой. Остаётся только один вариант – Онежское озеро принадлежит реке Онеге. Значит, река с таким именем существовала, и местоположение у неё единственное – это та же река, которая сегодня называется Свирь!

Может возникнуть вопрос: кто кому дал имя: река – озеру, или наоборот?

Если попытаться рассуждать с позиции древнего человека, становится ясно, что реки, как основные средства тогдашней коммуникации, продвижения на новые места, всегда оказывались важнее. Хорошим тому подтверждением является пара Нева-река и Нево-озеро. Не могли же озеро назвать Быстрым? Нево названо по реке. Да и рек, имеющих название, «прилагательное» к озеру, что-то не припоминается. В случае с озером и рекой Онегой, хотя водоёмы и имеют общую основу в названиях – мать (*эннь/оннь*), наличие прилагательной формы в наименовании озера также даёт понять, что вначале получила имя река, а озеро – позднее, или почти одновременно. И понятие «мать» по отношению к реке не менее достойно, чем к озеру. Логический смысл при этом совсем не теряется: Мать-река (Онега) и Материнское (Онежское) озеро.

Превращение имени Онега в Онего я уже пытался объяснить стремлением к гармонизации имени озера со средним родом самого слова «озеро». Но почему так не произошло с Ладогой, и название озера осталось в женском роде? Согласно этой логике озеро должны тоже звать *Ладого*?

Думаю, что здесь кроется вполне практичный смысл. Во времена, когда река Свирь ещё носила название Онега, население, вместо Онеявр и Онеозеро, уже пыталось применить к озеру более удобную, краткую форму наименования, но чтобы не путать с рекой, заменили окончание на «о», что было созвучно со словом «озеро». Тем более что древнее окончание *-га* как речной

признак уже давно не воспринималось. Так что все были довольны сложившимися названиями: Онега – это *она*, река, Онего – это *оно*, озеро.

Для Ладоги же такой необходимости не было, так как река Ладога превратилась в Ладожку и названия реки и озера уже не «путались». Общее же название с городом неудобств тоже сильно не доставляло – в общении это были разные смысловые понятия.

Здесь уместно привести ещё один пример из истории образований топонимов. В Тверской области в своём верхнем течении река Волга, берущая начало из родника, протекает через цепь нешироких озёр, имеющих сегодня общее название *Верхневолжское водохранилище*. Каждое из этих озёр, какие можно представить как плёсовые участки реки, имеет своё название. Так вот, один из них называется *Волго*. Наверно, этот самый крупный плёс в своё время тоже имел,

как и протекающая через него река, имя Волга, но чтобы не путать его с рекой, придумали персонифицировать название. Как иначе было сказать: «пошёл на Волгу порыбачить?» На какую? На ту, что река, или туда, где озеро? Отождествление названия с понятием «озеро» дало возможность быстрой идентификации объекта. Куда пошёл? – на Волго. – А ты? – на Волгу.

Название Онего (Онега), также как и Ладога, образовавшееся со временем как краткая, удобная форма, уже в нашем сознании никак не связывается с рекой и просто звучит красиво. Может, даже хорошо, что мы не понимаем их истинный и давно забытый смысл. Но ведь согласитесь – хотелось бы понять, не так ли?

Р. С. Онежское озеро я называю *Онега*, женским именем. А что? Она Озеро-Мать всё-таки, а не Батюшко – Онего!

М. А. КОПЫЛОВА

АДРЕСНАЯ ТАБЛИЧКА КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ. ЧАСТЬ 1 (история адресных табличек Петербурга)

История появления досок с наименованием улиц и номерных настенных знаков Петербурга

Новая российская столица – Санкт-Петербург была заложена Петром I 16 мая 1703 г. Ещё в 1702 г. после взятия русскими войсками Нотебурга (переименованного в Шлиссельбург) А. Д. Меншиков был назначен Петром I комендантом этой крепости, а затем генерал-губернатором вновь завоеванных земель – Ингерманландии¹. Поэтому ему и было поручено наблюдение за устройством города и учреждение в нем порядка². Петербург стремительно разрастался, и для соблюдения правопорядка 25 мая 1718 г. выходит указ Петра I о назначении Санкт-Петербургским генерал-полицмейстером генерал-адъютанта А. М. Девиера, содержащий перечень его полномочий³. С этого времени учёт горожан и сбор сведений о приехавших стала производить полиция: «Также смотреть приезжих и чтоб всякий хозяин тотчас объявлял, кто к нему станет и какой человек... равным образом и об отъезжающих объявлять...». Дома в то время

именовались по фамилиям владельцев или по соседним объектам, с указанием названия части города⁴.

Первые официальные названия городских объектов появляются при Анне Иоанновне, в результате работы «Комиссии о Санктпетербургском строении», которая была создана 10 июля 1737 г.⁵ «Комиссия...» разработала первый генеральный план Петербурга, и 20 апреля 1738 г. 18 наиболее значительных улиц, 5 площадей, 2 луга, 5 каналов и 12 мостов получили названия. Тогда были официально утверждены такие названия, как *Невская* и *Вознесенская перспективы* (позже – проспекты), а также мосты – *Конюшенный* (ныне *Большой Конюшенный*), *Синий* и *Зелёный*⁶.

А вот первые адресные доски появляются только при Екатерине II, их вывешивали в начале и в конце улицы и на перекрёстках. 8 мая 1768 г. Екатерина II повелела генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга Н. И. Чичерину: «Прикажи на концах каждой улицы и каждого переулка привешивать досок с именем той улицы или переулка на русском и немецком языке; у коих же

¹ *Высоцкий И. П.* Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903). СПб., 1903. С. 1–2.

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 3. С. 485–487.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. С. 569–571.

⁴ *Копылова М. А.* История адресной системы Петербурга или «петербургская чётность» // http://pproject.ru/upload/files/prizer_kopylova.pdf.

⁵ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 10. С. 216–217.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 10. С. 472–474.

улиц или переулков нет ещё имён, то изволь оных окрестить»⁷. Тогда ещё эти доски делали мраморными (рис. 1).

Согласно указу Александра I «О постановлении по улицам, площадям, мостам и домам надписей» от 22 июня 1803 г., таблички меняют на жестиные: «...для удобнейшего познания жителей наименования улиц, площадей, мостов и домов поставить доски с надписями масляными красками в каждой части СВОЕГО ЦВЕТА, употребляя вместо мраморных, английские жестиные листы, и прибав их с названием улиц на угловых домах, а о площадях и мостах на сделанных деревянных и окрашенных столбиках. У всех обывательских домов – доски с указанием квартала и кому здание принадлежит, а у казённых – какому ведомству, установка за счёт городских доходов»⁸. На акварели Василия Садовникова «Панорама Невского проспекта», которую он писал в 1830–1835 гг., на многих домах видны красные адресные доски (рис. 2).

Рис. 1. Доска с указанием старого названия наб. Зимней канавки (угол Дворцовой наб.) Фото автора. 2019

С 1834 г. в столице Российской империи вводится поуличная система нумерации домов⁹. Реформа 1834 г. отражена в адресной книге «Нумерация домов в Санкт-Петербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, не-вским пристаням, городским въездам, соборным и приходским церквам, дворцам, монументам и владельцам домов на 1834 год». И одновременно выходит распоряжение генерал-губернатора Петербурга графа Эссена: «Новые номера домов и мест внести Городской Думе в свои Табели против старых номеров, и за тем не иметь на

⁷ Шерих Д. Ю. Петербург день за днём. Городской месяцеслов. СПб., 1998. С. 117.

⁸ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 40. С. 25.

⁹ Копылова М. А. Указ. соч.

Рис. 2. В. С. Садовников «Панорама Невского проспекта» (1830–1835) (фрагмент) с обозначением цветных номерных досок на домах

домах досок с прежними номерами. Номера домов и мест с означением имён владельцев их, писать домовладельцами на досках из листового железа – черными цифрами и литерами по жёлтому полю».

Доски этого типа можно видеть на акварелях И. Шарлеманя и Л. Премацци. Таким образом, с 1834 г. уже означен дизайн номерного знака – материал (листовое железо), фон (жёлтый) и чёрные надписи – номер и фамилия домовладельца. Также уже с 1803 г. определены и ответственные за адресные доски: за доску с названием улицы и местности отвечает город, а за номерной настенный знак – домовладелец.

Как бы хорошо ни была разработана адресная система, без информационных составляющих, т. е. без доски с названием улицы и номерного настенного знака, нужный дом в большом городе найти невозможно. В 1858 г. в Петербурге корректируют нумерацию домов¹⁰, что естественно привело к массовой замене номерных настенных знаков, которые домовладельцы вынуждены были изготавливать кустарным способом, так как предприятий, которые делали такие знаки, просто не было.

Полицейская реформа Ф. Ф. Трепова

В мае 1866 г. Александр II назначает на должность обер-полицмейстера столицы Фёдора Фёдоровича Трепова, ко-

торый должен был добиться улучшения работы полиции и порядка в городе¹¹. Трепов в том же месяце представил министру внутренних дел проект нового штата Управления Санкт-Петербургского обер-полицмейстера и проект преобразования петербургской полиции¹². А 23 сентября 1866 г. Александр II повелел Трепову немедленно приступить к переустройству Санкт-Петербургской полиции. Вместо прежних 58 кварталов вся территория столицы была разделена на 38 участков с сохранением деления города на 12 частей. Надзиратели кварталов, обращённых в участки, были переименованы в участковых приставов, сами участки обозначены номерами, например, 3-й участок Спасской части, 1-й участок Адмиралтейской части и т. д. Ещё в 1864 г. город был поделён и на мировые участки, которые появились в ходе судебной реформы Александра II, изложенной в Высочайше утверждённом «Учреждении судебных установлений»¹³. Трепов решил, что на домах должна быть информация не только о номере здания, но и о части города, и о номере участка, а в дальнейшем – и о номере мирового участка. И заказ на изготовление таких надо-

¹⁰ Там же.

¹¹ Фёдор Фёдорович Трепов // https://konkretno.ru/proekty/kniga_rekordov/4195-FEDOR_FEDOROVICH_TREPOV_18121889_ober-politcmejster_Peterburga_v_18661873_gg_gradonachalnik_Peterburga_v_18731878_gg.html.

¹² Высоцкий И. П. Указ. соч. С. 313–315.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 39. С. 179–180.

мных номерных знаков получает фабрикант Г. К. Корнфельд¹⁴.

Г. К. Корнфельд и его номерные настенные знаки

В начале 1860-х гг. в Санкт-Петербург из Варшавы приезжает молодой, но очень амбициозный человек – это Герман Карлович Корнфельд. Он приехал по приглашению своего соотечественника Маврикия Осиповича Вольфа (1825–1883), известного к тому времени петербургского издателя и книготорговца. Вольф пригласил Корнфельда заведовать отделом подписки на иностранные журналы в его магазине. Корнфельд мечтал со временем стать самостоятельным издателем и свято верил, что судьба уготовила ему сделать состояние в России. В 1865 г. он открыл фабрику каучуковых штампов и новоизобретённых тогда металлических вывесок¹⁵. Фабрика металлических надписей Корнфельда была первой в России, за что Корнфельд был награжден почётной наградой «За введение в России производства металлических надписей» и медалями на европейских и российских выставках¹⁶. Например, на международной выставке садоводства, проходившей в Петербурге 5–18 мая 1869 г., Корнфельд получил большую серебряную медаль за

¹⁴ О проверке и исправлении нумерации домов // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 72. Д. 475. Л. 23.

¹⁵ Динерштейн Е. А. «Фабрикант» читателю: А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 16–19.

¹⁶ Дело об открытии комис. конторы куп. Г. Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 11. Д. 427.

образцы ярлыков из чугуна для надписей с указанием видов растений¹⁷. А на XIV Всероссийской мануфактурной выставке, проходившей с 15 мая по 31 августа 1870 г. в Петербурге, Корнфельд получил бронзовую медаль «За чистоту и лёгкость отливки металлических букв и вывесок», о чём было напечатано в газете «Листок мануфактурной выставки» от 3 июля 1870 г.¹⁸ Также фабрика Корнфельда занималась «поставками нумераций домов для целых городов и таблиц с наименованием улиц»¹⁹.

По документу «Об осмотре фабрики металлических надписей Корнфельда в 1892 году»²⁰ я смогла узнать, что представляла собой эта фабрика, которая находилась во 2-м участке Александр-Невской части по Лиговской улице (ныне Лиговский проспект), 32. Согласно протоколу осмотра от 23 июня 1892 г., фабрика Корнфельда состояла из четырех цехов: плавильного, слесарного, лакировального и цеха для изготовления клише, где трудились 20 рабочих и 2 подростка до 16 лет²¹.

Корнфельду везло: организовав в 1865 г. первую в Петербурге фабрику по производству металлических вы-

¹⁷ Международная выставка садоводства в С.-Петербурге (5–18 мая 1869 года). СПб., 1870. С. 42, 102.

¹⁸ Список похвальных наград по Всероссийской Мануфактурной Выставке 1870 года в С.-Петербурге. Бронзовые медали // Листок мануфактурной выставки. 1870. № 50. С. 2.

¹⁹ Дело об открытии комис. конторы... Л. 35.

²⁰ Об осмотре фабрики метал. надписей Корнфельда // ЦГИА СПб. Ф. 338. Оп. 1. Д. 90.

²¹ Там же. Л. 5–7.

весок, он уже в конце 1866 г. получил большой заказ от обер-полицмейстера Трепова на изготовление унифицированных адресных табличек в столице, потому что в городской терминологии появляется понятие *участок части*. Корнфельд разрабатывает сначала «безымянную» доску, где отражён номер дома, название части города и полицейский участок. Примерно такую надомную доску я нашла в Государственном музее истории Санкт-Петербур-

бурга (ГМИ СПб). Видимо, эти доски повисели на домах долго, потому что историк С. Ф. Светлов в своей книге «Петербургская жизнь в 1892 году» писал: «Каждый дом имеет свой номер, который означает на особых досках. На угловых домах ставятся двойные номера (по счету обеих улиц)» и приводит рисунки таких досок²². Эти доски

²² Светлов С. Ф. Петербургская жизнь в 1892 году. СПб., 1998. С. 50.

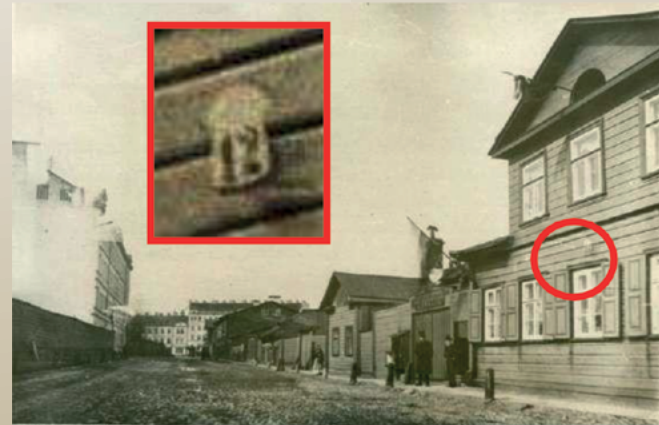

Рис. 3. Адресная доска на доме № 12 по Зверинской ул. 1888. Источник: <https://pastvu.com/p/351622>

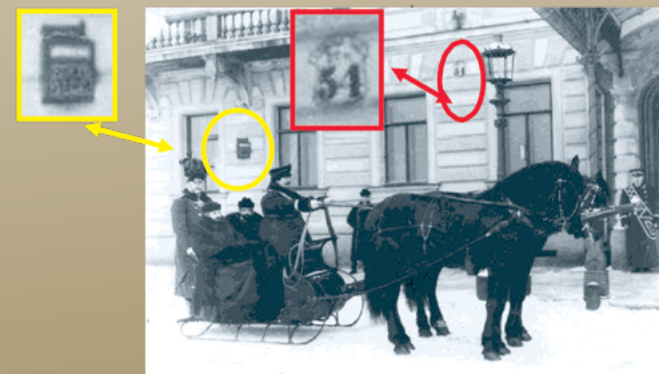

Рис. 4. Адресные доски на доме № 54 по Английской наб. 1905. Источник: <https://pastvu.com/p/236899>

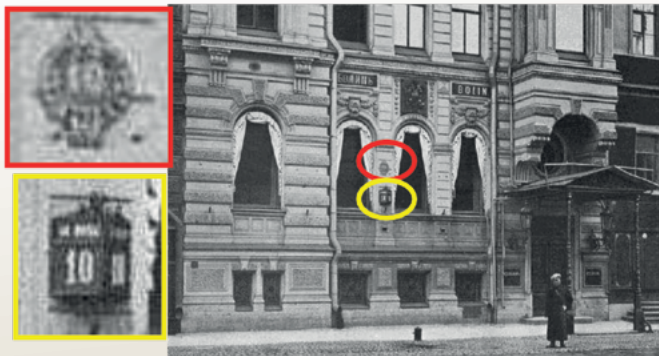

Рис. 5. Адресные доски на доме № 10 по Большой Морской ул. 1900. Источник: <https://pastvu.com/p/332990>

хорошо видны на фотографиях старого Петербурга (рис. 3, рис. 4).

Затем Корнфельд разрабатывает новый вид доски, где сгруппированы все требуемые администрацией сведения, то есть добавляет номер мирового участка и фамилию домовладельца²³. Пример такой доски я также увидела в ГМИ СПб (рис. 5). Такие номерные настенные знаки можно видеть не только в музее, но и на доме № 10 по Малой Гребёцкой улице и на доме № 43 по Фурштатской улице.

На интернет-аукционе я приобрела интересный документ – «Счёт-Заказ № 3. Фабрика металлических букв Германа Корнфельда в С.-Петербурге», в котором читаем: «Принято заказ на № дома 29, 31 (Правая-Сторона) по образцу утвержденному Его Превосходительством г. Обер-Полицмейстером. В Спасской части 2-го участка. От смотрителя Собственного Его Величества Дворца получено 1 руб 50 коп. шесть рублей серебром» (рис. 6). Этот

документ интересен вдвойне, во-первых, видна цена номерного знака для простых домовладельцев – это зачёркнутые цифры (1 руб. 50 коп.), во-вторых, можно определить адрес заказчика: Спасская часть, 2 участок – это набережная реки Фонтанки, Аничков дворец (по адресной книге 1868 г. у него №№ 29, 31, сейчас 31, 33). Заказаны номерные знаки у Корнфельда, разработчика и изготовителя номерных настенных знаков нового образца.

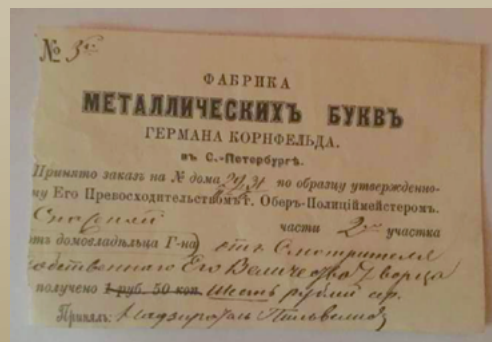

Рис. 6. Счёт-заказ фабрики металлических букв Германа Корнфельда. 1868–1869. Из семейного архива

²³ О проверке и исправлении... Л. 23.

Сколотив некоторый капитал, Г. Корнфельд в 1875 г. осуществил свою мечту и начал выпускать юмористический журнал «Стрекоза». На страницах именно этого журнала в 1880 г. дебютировал А. П. Чехов с рассказом «Письмо донского помещика Степана Владимировича к ученому соседу д-ру Фридриху» (№ 10, подпись: «...вЪ»). Почти тридцать лет Корнфельд издавал журнал, и только смерть прервала любимое дело²⁴. Однако на этом история «Стрекозы» не окончилась. В 1908 г. сын издателя Михаил кардинально преобразовал журнал. Так был создан знаменитый сатирический журнал «Сатирикон».

Временный генерал-губернатор Гурко и номерные фонари

7 апреля 1879 г. должность временного генерал-губернатора Петербурга занял Иосиф Владимирович Гурко-Ромейко²⁵. И. В. Гурко был на посту временного генерал-губернатора меньше года, но в Петербурге его не забудут, ведь именно Гурко приказал установить на каждом доме фонари, на которых написан номер дома²⁶. Эти номерные фонари вывешивались у ворот, у подъездов и вообще на видном месте, во-первых, для скорейшего отыскания

²⁴ Динерштейн Е. А. Указ. соч. С. 19.

²⁵ Иосиф Владимирович Гурко-Ромейко // https://konkretno.ru/proekty/kniga_rekordov/4194-IOSIF_VLADIMIROVICH_GURKO-ROMEJKO_vremennij_general-gubernator_Peterburga_v_18791880_gg.html

²⁶ Светлов С. Ф. Указ. соч. С. 51; О проверке и исправлении... Л. 447.

Рис. 7. Временный генерал-губернатор Санкт-Петербурга И. В. Гурко-Ромейко. Источник: Высоцкий И. П. Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство (1703–1903). С. 327

Рис. 8. Номерной фонарь на доме № 26–28 по Каменноостровскому проспекту. Первая половина XX века. Источник: <http://www.citywalls.ru/house10447.html>.

Современный номерной знак на том же доме. Фото автора. 2019

нужного дома в тёмное время суток, во-вторых, как дополнительные светильники к простым фонарям. С. Ф. Светлов приводит рисунок и описание номерных фонарей. В Петербурге сохранился похожий фонарь по адресу: Каменноостровский проспект, 26–28 (рис. 8). Аналогичные фонари хорошо

видны и на фотографиях старого Петербурга, например, на фотографии 1897 г. дома № 6 по Невскому проспекту (рис. 9).

На воротах дома № 72 по улице Марата (дома Бажанова) я обнаружила

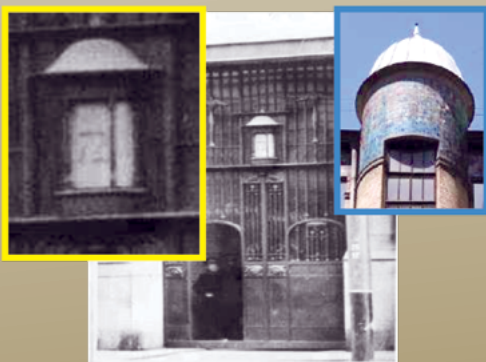
уже стилизованный номерной фонарь (рис. 10). Думаю, что в данном случае этот номерной фонарь ещё и памятник, ведь архитектор дома Ф. П. Алёшин уделял огромное внимание мельчайшим деталям и элементам отделки,

Рис. 9. Номерные фонари на домах №№ 6 и 8 по Невскому пр. 1897. Источник: <https://pastvu.com/p/234934>

Рис. 10. Номерной фонарь на доме № 72 по ул. Марата. Фото автора. 2019

Номерной фонарь на том же доме. 1911. Источник: <http://www.citywalls.ru/house5245.html>

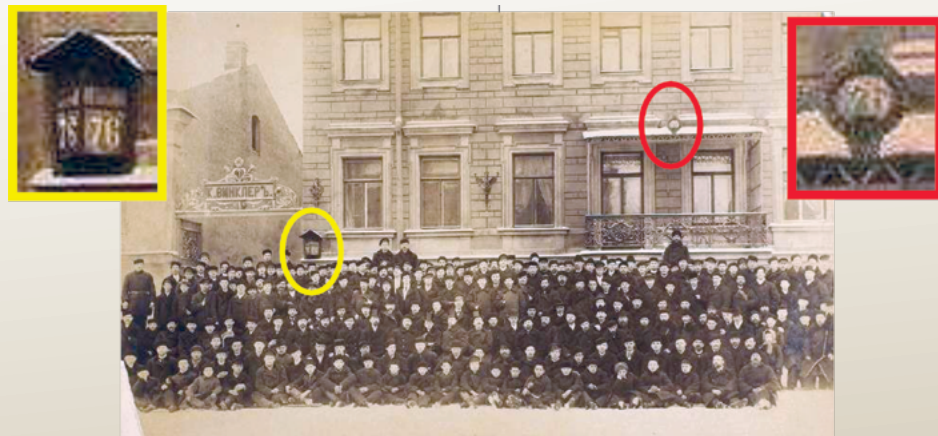

Рис. 11. Номерной фонарь на доме № 76 по 13-й линии В. О. 1883. Источник: <http://www.litfund.ru/auction/75/4/>

Рис. 12. Номерной фонарь на доме № 18 по ул. Рылеева. Фото автора. 2019

и он повторил в дизайне номерного фонаря башню со шлемовидным завершением, находящуюся во внутреннем дворе этого дома. Первоначальные ажурные кованые ворота дома Бажанова были изготовлены на заводе «К. Винклеръ», однако их нынешнее местонахождение неизвестно²⁷. Уже в наше время были сделаны новые во-

²⁷ Экскурсия в дом Бажанова // <https://www.mishanita.ru/2016/03/13/26922/>

рота по образцу старых. В справочниках я нашла фото этого дома, ворот и фонаря 1911 г.

На рис. 11 фото 1883 г. – это рабочие завода «К. Винклеръ» на фоне здания завода, и здесь я обнаружила два вида номерных знаков. На доме № 18 по улице Рылеева также есть привет из прошлого – номерной фонарь (рис. 12). Очень интересное фото: на проспекте 25 Октября (Не-

Рис. 13. Номерной фонарь на доме № 28 по пр. 25 Октября. 1920.
Источник: <https://kapuchin.livejournal.com/150288.html>

вский проспект) на доме № 28 в 1920 г. ещё висел номерной фонарь (рис. 13). Потом эти номерные фонари переделали, так получились номерные надомные знаки с подсветкой.

Последующие градоначальники внимательно отслеживали состояние и исправность номерных фонарей. Например, в июле 1889 г. вышел приказ петербургского градоначальника П. А. Грессера «Об освещении лестниц и фонарей с номерами домов», который предписывал: «Ввиду наступления тёмных ночей, предлагаю гг. приставам произвести наблюдение, чтобы освещение, как парадных, так и чёрных лестниц в домах, а равно и фонари с номерами домов, производились с полной аккуратностью, причём в подтверждение неоднократных моих распоряжений... просить домовладельцев или доверенных их по примеру

прошлых лет освещать дворы и фонари с номерами домов во всё время горения уличных фонарей»²⁸.

В сентябре 1893 г. появился приказ «О проверке номеров и номерных фонарей на домах», в котором приставам рекомендовалось: «1) немедленно проверить и донести мне – на всех ли домах имеются номера и номерные фонари; 2) там, где номера затеряны, окрашены или вообще не ясно видны, – потребовать от домовладельцев или управляющих домами произвести безотлагательную очистку или возобновление таковых, и 3) обязать домовладельцев тех домов, в коих нет

²⁸ Приказ с.петербургского градоначальника «Об освещении лестниц и фонарей с номерами домов» // Известия Санкт-Петербургской городской думы (далее – ИГД). 1889. № 26. С. 159.

Рис. 14. Номерные фонари на домах №№ 86 и 88 по Невскому пр. 1889.
Источник: <https://pastvu.com/p/121739>

номерных фонарей завести таковые в 4-дневный срок»²⁹.

Я изучила более 7000 фотографий старого Петербурга³⁰ и нашла только одну (рис. 14), где на доме находятся сразу четыре вида номерных знаков. Также иногда «на вывесках пишут номер дома, в котором находится магазин или заведение»³¹, что мы тоже видим на этой фотографии. А самое главное – это единственная фотография, где можно увидеть номерную доску из тех, которые были повешены

на домах столицы в декабре 1889 г., ведь тогда был утверждён так называемый «Табель 1889» с новой нумерацией домов Петербурга, по которому 8482 (из 14 203) дома в городе получили новые номера³².

Петербургский ремесленник – И. И. Александров

14 октября 1889 г. мастер «Александров принял на себя изготовление до девяти тысяч номерных досок, долженствующих быть прибитыми на стенах домов. Означенные доски должны быть сделаны из листового железа, девятифунтового веса (4 кг), с белыми циф-

²⁹ Приказ с.петербургского градоначальника № 202 от 4.09.1893 «О проверке номеров и номерных фонарей на домах» // ИГД. 1893. № 28. С. 763.

³⁰ Счет расходам, произведенных на ремонт городских зданий и сооружений в 1882 // https://нэб.рф/catalog/000200_000018_RU_NLR_19V_932358/viewer/?page=213.

³¹ Светлов С. Ф. Указ. соч. С. 34.

³² О проверке и исправлении... Л. 295–296; Табель домов Санкт-Петербурга с показанием новой и старой полицейской нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных... // ИГД. 1889. № 30. С. 384–612.

рами по синему фону. Доски со всех 4-х краев должны быть просверлены отверстия. Все количество должно быть исполнено и доставлено в участковые полицейские управления не позже 20 ноября сего года»³³. Доски были изготовлены в срок и продавались владельцам домов по 25 копеек³⁴. Вся операция по замене номерных досок длилась с 12 по 14 декабря 1889 г.³⁵ 12 декабря во всех петербургских газетах появилось объявление о такой глобальной корректировке полицейской нумерации и замене надомных номеров³⁶, а 14 декабря Санкт-Петербургскому градоначальнику П. А. Грессеру доложили о приведении в порядок нумерации в столице³⁷.

Настенная номерная доска, изготовленная в мастерских И. Александрова, представляла собой прямоугольник из листового железа весом 4 кг³⁸. Зная плотность железа (7874 кг/м³) и полагая толщину проката от 2 до 4 мм, можно предположить, что доска Александрова была 50x50 или 40x40 см, что соответствует среднему размеру номерных знаков из ГМИ СПб. Номерная доска Александрова с одной стороны синяя с нарисованными белыми цифрами, с другой стороны – обработана защитным слоем олифы. Примерно

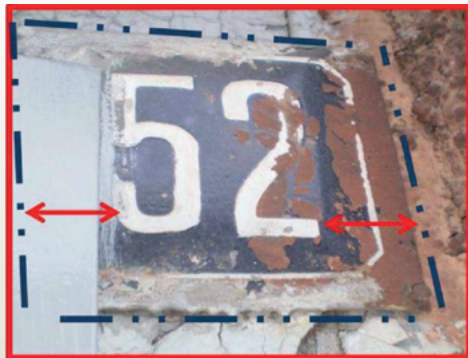

Рис. 15. Номерной знак на доме № 52 по ул. Маяковского. 2010.
Источник:
<http://www.citywalls.ru/house2229.html>

такая номерная доска висела до 2010 г. на доме № 52 по улице Маяковского (рис. 15).

Крестьянин деревни Засухово Бореёвской волости Чухловского уезда Костромской губернии Иван Иванович Александров приехал в Петербург в 1880-е гг.³⁹. Согласно адресным книгам, он и его жена, Пелагея Александровна, жили в собственном доме по Гродненскому переулку, 4. По описанию 1846 г. на этом участке находились деревянные постройки – одноэтажный дом с мезонином и флигель. По-видимому, эти деревянные строения стоили не очень дорого, поэтому их и приобрела Пелагея Александровна⁴⁰.

³⁹ Дело о дозволении Ивану Александрову открыть металлическую мастерскую // ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 1. Д. 782. Л. 4.

⁴⁰ Бройтман Л. И. Особняк на Гродненском // История Петербурга. 2010. № 3. С. 11.

В это время в Петербурге было восемь ремесленных цехов⁴¹. Все крестьяне, приезжавшие в столицу и владевшие определённым ремеслом и, конечно, начальным капиталом, сразу шли в Петербургскую ремесленную Управу для получения «Свидетельства...», т. е. лицензии на организацию собственного дела. Крестьянин Иван Александров, профессиональный кузнец, вошёл в 6-й ремесленный цех – слесарно-кузнечный, а затем и в 5-й – живописно-малярный.

Александров нашёл помещение по адресу: Коломенская часть, 1 участок, Климов переулок, 5, дом Северовых, помещение 23 и получил разрешение (договор аренды) от управляющего домом на организацию металлической мастерской с платой 180 рублей в год⁴². Для получения лицензии на организацию дела, кроме договора аренды, необходимо было получить протокол осмотра помещения на пригодность размещения мастерской с учётом соблюдения правил техники безопасности. Осмотр проводился 28 ноября 1886 г. в присутствии пристава 1 участка Коломенской части, врача и городского архитектора⁴³. Благодаря протоколу осмотра удалось составить полное описание мастерской И. И. Александрова – она состояла из одной комнаты и располагалась в каменном доме, на первом этаже; вход со двора; площадь

⁴¹ Отчёт СПб ремесленной Управы за 1888 год // <https://www.prlib.ru/item/355996>. С. 8–9.

⁴² Дело о дозволении Ивану Александрову... Л. 4.

⁴³ Там же. Л. 3 об.

арендуемого помещения равна 24,6 м² (6,14x4 м), высота потолка – 2,5 м; из оборудования – печь с защитным колпаком дляковки и пайки, при этом вентиляция в норме и меры пожарной безопасности соблюдены; рабочий штат состоял из 3 мастерских и 2 учеников, при этом мастерские жили в своих квартирах, ученики – с родителями; хотя и в мастерской было предусмотрено место для жилья⁴⁴.

После сбора и подачи всех необходимых документов фабрично-заводской отдел канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника выдал И. Александрову свидетельство № 5702 от 17 декабря 1886 г. на открытие металлической мастерской: «Дано сие крестьянину Ивану Александрову в том, что на основании ст. 407* т. XII Устава строительного по продолж. 1876 года дозволяется производство работ в металлической мастерской, состоящей в 1 участке Коломенской части по Климову пер. в доме под № 5, с употреблением механизмов...»⁴⁵.

Об этом были направлены уведомления в Департамент торговли и Мануфактуры⁴⁶ и приставу 1 участка Коломенской части⁴⁷. О живописной мастерской Ивана Александрова можно узнать из адресных книг за 1892–1896 гг. Мастерская располагалась по адресу: Рузовская улица, 3 и называлась «Живописная лакировальная и позолотная мастерская по дереву и металлу».

⁴⁴ Там же. Л. 1–3.

⁴⁵ Там же. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 5.

³³ О проверке и исправлении... Л. 293.

³⁴ Там же. Л. 295.

³⁵ Всеподданнейший отчёт С.-Петербургского градоначальника за 1889 год // https://nab.pf/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_109139/viewer/.

³⁶ О проверке и исправлении... Л. 356.

³⁷ Всеподданнейший отчёт... С. 36.

³⁸ О проверке и исправлении... Л. 292.

Участок по Гродненскому переулку, где жил И. И. Александров с семьей, был выкуплен у него в 1896 г. подпоручиком лейб-гвардии Семёновского полка Николаем Николаевичем Ермолинским⁴⁸. Согласно адресной книге за 1896 г. Александров снял квартиру по адресу: Можайская улица, 4. Новая квартира располагалась рядом с мастерской. Если посмотреть на карту Петербурга, то видно, что Рузовская и Можайская улицы расположены рядом и параллельны друг другу, дома 3 и 4 – это один дом, выходящий на две улицы. Согласно адресной книге за 1902 г. оба этих дома принадлежали Софье Игнатьевне Бурениной, вдове почётного гражданина; управляющий Роман Алексеевич Гротин.

Может возникнуть вопрос: а почему эти номерные знаки в 1889 г. изготавливал не Г. Корнфельд? Корнфельд был хорошим бизнесменом и всегда был в курсе событий, происходящих в столице. Поэтому, как только 6 февраля 1885 г. была образована Комиссия для

⁴⁸ Бройтман Л. И. Указ. соч.

проверки и исправления нумерации домов в Санкт-Петербурге⁴⁹, он уже 20 февраля⁵⁰ написал прошение Грессеру о предоставлении ему заказа на изготовление номерных знаков. Но Корнфельд, во-первых, не представлял объёма предстоящих работ, во-вторых, сроков их выполнения, в-третьих, предложил перегруженный вариант номерного знака. Из-за медлительности работы Комиссии он получил отказ только 9 октября 1889 г. (через 4,5 года после прошения)⁵¹. На заседании Управы 12 октября заказ был отдан Александрову⁵².

В следующем номере «Топонимического альманаха» мы продолжим рассказ об истории адресных знаков нашего города в XX в.

⁴⁹ По заявлению члена управы П. В. Жуковского... о проверке номеров на домах // ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 2. Д. 139а. Л. 20.

⁵⁰ О проверке и исправлении... Л. 23–23 об.

⁵¹ Там же. Л. 291.

⁵² Там же. Л. 292.

Е. Б. БЕЛОДУБРОВСКИЙ

ДОМ ТОТ БУДЕТ УГЛОВОЙ...

Дом и адрес, о которых идёт речь в этих двух строках, есть известнейшие в среде самой изысканно-высокой творческой богемы начала XX века. Здесь, вблизи Таврического дворца, находилась петербургская квартира супругов Зинаиды Николаевны Гиппиус и Дмитрия Сергеевича Мережковского – двух оригинальнейших поэтов, одно время, как известно, даже задававших тон всему ходу русской поэзии и художественной критики так называемой «эпохи символизма».

Откройте на досуге, скажем, «Записные книжки» Александра Блока или Анны Ахматовой, «Дневники» Михаила Кузмина или Корнея Чуковского, мемуары Владимира Пяста или Георгия Чулкова, переписку Андрея Белого или Вячеслава Иванова – везде встретится упоминание этой «таврической» квартиры и заповедные имена её владельцев и обитателей...

Более того, каждый из них считал за честь быть принятым в этом доме, это стало фактом их биографии.

Но в данном случае – это всего лишь цитата, то есть не что иное, как просто-напросто обыкновенный почтовый адрес, объявленный для писем с фронта, для нижних чинов и простых солдат Первой мировой: «Дом тот будет угловой / На Потёмкин-

*Дом тот будет угловой
На Потёмкинской седьмой...
Зинаида Гиппиус*

ской седьмой», и дальше – «Посредине Петрограда / У Таврического Сада...». И взяты эти строки из совершенно необычного (я бы даже сказал – диковинного) для всего творчества Зинаиды Гиппиус сборника под названием «Как мы воинам писали и что они нам отвечали».

Книжка сия вышла в начале 1915 г. Её оригинальность в том, что письма и стихи на фронт были написаны самой Зинаидой Гиппиус от имени трёх девушек из своей домашней прислуги: **Кати Сухановой, Ксюши Алексеевой и Дарьи Павловны...** Правда, сначала эти «солдатские вирши» З. Гиппиус были помещены ею в рождественском номере газеты «День» за 1914 г. Затем она же послала в один из пехотных полков действующей армии подарки – кисеты, и в них было вложено по «письму от девушек».

Ул. Чайковского (бывшая Сергиевская), дом № 83/7, угол Потёмкинской ул. Источник: an812.ru/catalog/real_estate/item_11090/

Самая сердобольная, Ксюша начала своё письмо в окопы так:

*Ах, молюсь с утра до вечера
Чтобы вас не искалечило,
Чтобы вам давали щей
Всякий день погорячей.*

Более сдержанная Катя начала чуть иначе:

*Кому посылочка попалась,
Кем письмо прочиталось,
Тот будь Степан или Игнат,
Он мне как родной брат.*

А совсем взрослая Дарья Павловна справлялась:

*Только знай –
Получи,
Не спеши
И обратно пиши.*

Эти стихи из газеты «День» моментально перепечатал «Вестник X Армии», действовавшей в Восточной Пруссии. Они произвели необыкновенное действие на мёрзнувших в окопах солдат. Их воображение, естественно, разыгралось: Катя, Ксюша и Дарья Павловна представлялись какими-то замечательными красавицами, неземными созданиями, чуть ли не прекрасными феями, призванными облегчить страдания воинов-героев на чужой земле... И уставшие от обезличивания солдаты с радостью ухватились за эти «письма». Сначала не верилось: не обман ли всё то, что появилось в газете? Впрочем, есть адрес – а кому не лестно завести свою собственную личную переписку, да ещё с барышнями? Всколыхнулось солдатское море, зашевелились, заволновались, заработали сотнями карандашей казаки, драгуны, сибиряки, кавказцы, сапёры, фельдшеры, канониры, стрелки, раз-

Интерьер квартиры Зинаиды Гиппиус – Сергиевская улица, д. 83, кв. 17, фото 1913 г.

ведчики, ординарцы... Посылали по пять, десять, двадцать писем в день, – и добрая половина в стихах: захотелось и своё искусство показать. Например, солдат М-ов послал Кате следующее сердечное четверостишие- акrostих:

*Какой хорошенький букетик
ангел с неба уронил,
тебе, Катенька, дружочек,
я бы за подарок подарил.*

А вот стихи коллектива сапёров Н-ской роты:

*Мы и так не грустим,
Смотрим смерти в глаза,
Да и сами не спим,
Немцев бьём, не щадя.
Где штыком не сломить
Дерзкий натиск врага –
Так мы бомбы туда.*

*А она такова,
Так рванёт – чист проход,
Тут валяй – не зевай,
Продвигайся вперёд.*

А вот хотя и короткое, но вполне настоящее стихотворение «Молитва солдатки», подписанное «Канонир В. Крылов»:

*Льются наши слёзы
Не ручьём, рекой.
Ниспошли нам, Боже,
Мир свой дорогой.
Видишь ты в страданиях
Не мене одну.
Боже милосердный,
Прекрати войну.*

Закончить же обзор этой краткой военно-окопной «антологии» я хочу непременно лирическим посланием трём девушкам-прислугам в далёкий Петроград некоего А. П.

Конечно, не секрет, что очень и очень многим солдатикам из корреспондентов З. Гиппиус и её прислуги хотелось сразу после войны приехать в Петербург – Петроград и вживую познакомиться с неведомыми барышнями-благотворительницами с Потёмкинской улицы...

Но этот А. П. оказался самым решительным:

*Екатерина, спешу послать привет,
Кому достался ваш кисет.
Когда получите моё письмо,
То, пожалуйста, дайте ответ:
Деввица вы или нет.
А если деввица,
То для меня всегда женой годится.*

*А солдат не дурак
И согласен вступить с вами в брак.*

*Если с войны вернуса,
То на вас женюся.
Затем буду ждать ответ,
Сбудется это или нет.
Если сбудется от вас
То я никогда не дам отказ.*

Корней Чуковский в своей книге «Заговорили молчавшие» (1915) с явной досадой отмечает, что вот, мол, никто так и не удосужился собрать и издать письма простых солдат. «Я уверен, – пишет Чуковский, – что коллективное массовое, сплошное лицо, которое отразилось бы в них, было бы духовной красоты удивительной. Может быть, перед нами явился бы лик Платона Каратаева, широчайший поэтический образ всей мужицкой славянской души, а может быть, другой неожиданный, ещё святее и благороднее».

Сам же дом Амазонки Гиппиус и Горящего Ангела Мережковского и сейчас стоит на своём месте, то и дело наблюдая вокруг себя современных почитателей русской поэзии «серебряного века». Недавно рядом с ним был замечен и околачивающийся у подъезда немолодой человек в светлосиненьком беретике, в плаще фирмы «Халонен» и с вертящейся на пальце изящной тростью «Сигулда», оставленной с полвека назад неким забывчивым гражданином – читателем Публички первого послевоенного поколения и переданной ему на время остеохондроза сердобольной гарде-рощицей.

Так эта «Сигулда» у него и осталась...

А благодаря сему хандрозу – составились и эти приметно-приветные поэзо-заметки.

Г. О. ВИНОКУР

О РОДИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В «СОВЕТСКИХ» НАЗВАНИЯХ

За время революции у нас произошло очень много переименований. Старые названия улиц, площадей и т. п., так или иначе связанные с воспоминаниями об отошедшем в прошлое, заменены новыми, по большей части в честь или в память деятелей революционного движения и т. п. С точки зрения грамматической, эти названия приобретают форму конструкции с так называемым родительным субъекта (улица Ленина); иногда это отношение осложняется наречием «имени» (завод имени Ленина). Родительный субъекта в системе русской грамматики обладает чрезвычайно слабой устойчивостью, обнаруживая, можно сказать, тенденцию к переходу в имя прилагательное, напр<имер>: «отцовский дом» вместо «дом отца», «материнская любовь» вместо «любовь матери» и пр. Смысловый закон, обуславливающий этот переход, с достаточной наглядностью обнаруживается уже из этих сопоставлений: в таких положениях, когда предметом речи является не субъект, обладающий некоторым объектом, а сам этот объект, принадлежность этого объекта легко становится характеризующим его при-

знаком¹. История языка показывает, что этот закон, в силу которого родительный субъекта переходит в прилагательное, остаётся действительным и тогда, когда в родительном падеже стоит имя собственное, например, «Колькин мячик», «Женюшкино платье», «Боткинская больница», «Жуковская (!) улица» (в Ленинграде) и т. п. и т. п. Тем не менее было бы неправильно с точки зрения стилистического задания производить переименования прямо в этой атрибутивной форме, т. е. после смерти Свердлова, например, назвать Театральную площадь в Москве прямо «Свердловской площадью». На самом деле, действительное новое название этой площади «Площадь

¹ В этом отношении полезно сопоставление с балтийскими языками, где родительный падеж, стоящий перед управляемым словом, последовательно выдерживается и в чисто атрибутивных положениях; например, Мельничная улица в Риге называется *Dzirnavu* (род. мн.) *iela* – буквально «Улица Мельниц», Конюшенная улица – *Martstalku iela* – буквально «Улица Конюхов» и пр. – Следует также отметить, что сказанное не относится к именам отвлечённым, например, «Площадь Восстания», где смысловое отношение несколько сложнее. – *Прим. авт.*

Свердлова» слышится очень редко, и по большей части она называется именно «Свердловской», если не просто по-старому. Но это свидетельствует только о том, что мемориальный смысл данного переименования уже перестал ощущаться и что присвоение Театральной площади фамилии бывшего председателя ЦИК стало просто *названием*², тогда как в первую минуту оно несомненно было и данью памяти умершего. Этот конфликт между общим смысловым законом, лежащим в основании данного явления, и тем частным стилистическим заданием, о котором идёт речь, рано или поздно по-видимому неизбежен³. Но не трудно видеть, с другой стороны, что несоблюдение этого закона при переименованиях сильно затрудняет усвоение новых названий и лишает их эффекта. Кто

² Выделено автором.

³ Если нет, впрочем, осложняющих обстоятельств, например, – иностранная фамилия. Ср. «Огарёва улица», как написано на всех домовых фонариках б<ывшего> Газетного переулка в Москве, и «Улица Герцена», которая, по-видимому, очень ещё не скоро станет «Герценовской» (б<ывшая> Никитская). – *Прим. авт.*

в самом деле выговорит – не на официальной бумаге, а в живой речи, в быту, – «Проспект 25-го октября» вместо прежнего превосходного названия «Невский проспект». Основываясь на наблюдении, что новые названия проникают в язык по мере того, как они приобретают нормальную атрибутивную форму, один из моих знакомых, пропагандировавший переименования, говорил даже «Станкевич переулочек» вместо «Улица Станкевича» (б. Чернышёвский переулок в Москве), так как «Станкевичева» или «Станкевичевская улица» было бы слишком уж «смело». В одесских газетных рекламах, как я наблюдал, в подобных сочетаниях слово «улица» вообще опускается, например, «Литейно-механическая мастерская, Леккерта 25», «Кондитерская Печеского, 1-й магазин – К. Маркса, 14, 2-й магазин – Лассалья 33» и т. д. Это по-видимому также стоит в связи с непривычностью подобной формы наименования улиц для России.

Г. О. Винокур. Практическая стилистика как проблема. 1924

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белодубровский Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член Координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Васильев Сергей Борисович

Окончил Петрозаводский государственный университет. В качестве краеведа занимался изучением топонимов Кольского полуострова и Карелии, неоднократно публиковался в региональных периодических изданиях.

Владимирович Алексей Георгиевич

Окончил математико-механический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) государственного университета. Автор многочисленных публикаций по истории и топонимике Санкт-Петербурга, один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» (1997), один из разработчиков и составителей «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга», первого оригинального документа подобного рода в истории города. Как один из авторов и титульный редактор «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2002) удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Копылова Мария Андреевна

Студент Санкт-Петербургского государственного университета по направлению «История искусств», активный участник историко-краеведческого клуба «Петрополь» Санкт-Петербургского городского дворца творчества юных (Аничков дворец), призер и дипломант краеведческих конкурсов и олимпиад.

Сизёнов Евгений Петрович

Окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Автор нескольких книг по истории города Колпино, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Колпинцы. Историко-биографический справочник» (2009), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпинские мосты» (2016), а также публикаций в газетах и журналах. Автор (совместно с Р. С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).